

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

*Успели
мы каравай*

Наталья Нестерова

Испекли мы каравай (сборник)

«АСТ»

Нестерова Н.

Испекли мы каравай (сборник) / Н. Нестерова — «АСТ»,

ISBN 978-5-271-45192-8

Что в жизни может быть чудеснее нежных заботливых женских рук? Не трудитесь – придумать невозможно! Обычно о мастерах говорят: «У мужика золотые руки!» А то, что и у женщин руки могут не только укачивать ребенка, ласкать любимого, утешать страдающего, забывают. Героини этой книги все как одна кудесницы – их руки, на первый взгляд, творят обычные вещи: рисуют, ткут, пекут, мастерят, а на самом деле совершают восхитительное таинство, доступное тем, кто знает наслаждение творчеством. Мастеровому человеку нелегко добиться признания, а если этот человек женщина, то ему нелегко вдвойне. Счастье, если рядом оказывается спутник, чья любовь спаяна с восхищением талантом избранницы. Какие они, девочки-кудесницы, в детстве? Тихие незаметные скромницы или шумные, эффектные воображалы? Они разные...

ISBN 978-5-271-45192-8

© Нестерова Н.

© АСТ

Содержание

ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ	5
ТАТЬЯНИН ДОМ	36
Глава 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Нестерова

Испекли мы каравай

(сборник)

ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ

Роман

В детстве Арина мало играла с куклами. Подаренные красавицы с пышными волосами, в нарядных платьях, пищавшие «мама» при качании, сидели в ряд на полке, пылились и с немым укором смотрели на Арину стеклянными глазками. У некоторых кукол со временем тяжелые мохнатые ресницы опустились на щеки и казалось, что куклы заснули, устав ждать. Стихией Арины были песочные куличики, а лучшими подарками для нее – формочки, ведерки, совочки. Мама оставляла трехлетнюю Арину в песочнице и отправлялась в магазин – дочь никуда не денется, будет «печь куличики» хоть целый час.

Когда Арина выросла из песочницы, на смену хрупким куличикам пришло тесто. Из него, как из пластилина, можно было лепить, но пластилин был мертвым бездушным материалом и вечным, а тесто – нежным, капризным и недолговременным, как все живое. Арину завораживало превращение смеси воды и муки в растущую массу. Тесто было живым – оно росло, дышало, увеличивалось в объеме, и этот процесс казался Арине сказочным. Арина чувствовала себя волшебницей, которой подвластно колдовство с предметами. Как фее из «Золушки», которая из тыквы сделала карету.

Однако главной феей, не сказочной, а реальной была Аринина прабабушка Галя. Она жила в тридцати километрах от города, в деревне, раскинувшейся на высоком берегу великой русской реки. Когда-то деревня была большой и богатой, с церковью в дореволюционную эпоху. Церковь давно разрушили, вымостив битым кирпичом дорогу к райцентру. Но и в советские времена деревня процветала, это была главная усадьба колхоза-миллионера: с клубом и школой, с фермой и маслобойней, с конезаводом и большими мастерскими по ремонту сельхозтехники. А с середины восьмидесятых деревня стала умирать, медленно и безысходно. Зарастали необрабатываемые поля и огороды, ржавела техника, опустели конезавод и ферма, закрылся клуб, дорожный асфальт усеивался воронками, как после бомбежки. Пустые коробки строений с выбитыми стеклами и провалившимися крышами пугали маленькую Арину, она думала, что там живут призраки, по ночам бродят мертвецы и дудят в страшные трубы.

– То не мертвецы, прости господи, – успокаивала правнучку бабуля Галя, – то ветер гуляет. Живыми в землю закопать бы тех, кто до такого разора хозяйство довел, – тихо добавляла она.

– Живыми? В землю? – тарасила глаза Арина.

– Не слушай ты меня, старуху. Поди лучше посмотри, не подошла ли опара.

Бабуля Галя не признавала покупного магазинного хлеба, говорила, что им только свиной кормить и тюремных душегубов. Хлеб бабуля всегда пекла сама. Отдохнувший под льняным полотенцем, каким же вкусным он был! Хрустящая корочка, сладко теплая сердцевинка, да с молочком! Пальчики оближешь. Бабушка пекла и расстегаи с рыбой, и пироги с разнообразными начинками, и плюшки, и калачи – чего только не пекла, сколько рецептов помнила. Бабуля Галя была признанным мастером-хлебопеком в деревне. Другие женщины приходили к ней учиться, секретов бабушка не держала. Только все равно ни у кого не получалось таких вкусных хлебов, как у бабушки Гали. Сколько ни пытались односельчанки напихать в тесто побольше сливок, яиц и масла, не выходило, чтобы надкусишь булочку, жуешь-наслаждаешься

и видишь, как со вздохом расправляется приплюснутое зубами место, булочка снова пышная и сдобная.

Арина застала край уходящей эпохи, когда в деревне еще играли свадьбы. Уехавшая в город молодежь по требованию родителей на родине отмечала бракосочетание.

Бабушке Гале заказывали свадебный каравай – самое прекрасное, по мнению Арины, произведение пекарского искусства.

Считалось, что каравай не могут печь свекровь или теща, а только деревенская женщина с добрыми руками и хорошей судьбой. Руки бабушки Гали, вне всяких сомнений, добрые и талантливые. Но судьба ее не баловала, напротив. Отца, братьев и мужа потеряла на войне, с двадцати семи лет вдовствовала. Старший сын погиб в автомобильной катастрофе, дочь, Аринина бабушка, умерла молодой от рака, сорока не исполнилось.

Спустя много лет Арина спрашивала маму:

– Почему бабушке Гале в деревне приписывали счастливую жизнь? Она всю войну получила похоронки, да и потом могилка за могилкой. У нее ведь остались только ты да я.

– Бабушка честная была, – отвечала мама. – Не гулящая, не сварливая, не злобливая.

– Ну и что?

– Не понимаешь? Одного человека комарик укусит и крику на весь свет, и все виноваты, и все плохие – огрызаются, точно бешенством его заразили. А бабушку жизнь била – не комарики кусались. Однако никого она не проклинала, не жаловалась, не озлобилась. Как ее судьба ни испытывала, бабуля не потеряла доброты душевной и щедрости. А это, наверное, дороже всего.

– Я ведь похожа на бабулю Галю? – спросила Арина.

– Похожа, – рассмеялась мама. – Обе не девушки, а хлебопечки.

За долгую жизнь бабушка испекла тонны хлеба. Но каждый раз, отправляя тесто в печь, она волновалась и переживала. Так подлинный народный артист в триста тридцать третьем спектакле, выходя на сцену, испытывает душевный трепет.

Когда пеклись свадебные караваи, волнение было особым. Бабушка с утра мылась и мыла Арину. Они надевали чистое белье и повязывали головы платочками. Бабушка читала молитвы, Арина приплясывала на месте от нетерпения – опара подошла, пора замешивать тесто. Бабушка следила, чтобы, упаси боже, ни сквознячка в хате, ни грюка, ни стука, говорить можно только шепотом. Подошедшее тесто крайне нежно. Испугается ветерка или громкого звука – опадут внутри крохотные пузырьки, которые воздушность хлебу обеспечивают. Тесто слипнется, и вместо пышного каравая получишь клеклую подошву.

Каравай был обязательно круглой формы, по основанию его украшали большая коса или жгут, сверху – колосья, листья, цветы и даже тонкошеии лебеди. Когда бабушка позволяла Арине вырезать из теста листочек или колосок, радости внучки не было предела. Перед отправкой каравая в печь бабушка брала связку гусиных перышек и смазывала его маслом и взбитыми яйцами.

Пока каравай пекся, бабушка рассказывала, как строго в старину относились к выпечке каравая. Хотя Арина слышала этот рассказ несколько раз, он ей не наскучивал. Во время выпечки нельзя ругаться, спорить или говорить о плохом – о несчастьях или болезнях. Чтобы не припеклось поганое к молодоженам. Муку брали только пшеничную, самого лучшего сорта – для достатка молодым. По чуточке добавляли: ржаной муки – считалось, что она поможет молодым не зазнаваться друг перед другом и не ссориться; рисовой муки – для крепости отношений, сахар – для радости жизни; перца или сушеной редьки – для страсти. Про какую такую страсть бабушка говорит, Арина не понимала и допытывалась. Но бабушка только отмахивалась и говорила, что даже соль, которую в солонке поставят на каравай, готовили особо. Выбирали соляные камешки покрупнее и быстро промывали их в миске, чтобы не успели раство-

риться. Потом выкладывали кристаллы соли на чистый лист и сушили, в завершении толкли в ступке. Словом, каравай готовился по суеверным правилам, исключавшим любое постороннее, дурное вмешательство. Каравай до последнего момента никто не должен трогать и даже смотреть на него – чтоб не сглазили.

Волнительный момент – бабушка достает из печи свадебный каравай, руки у бабушки слегка дрожат. Облегченный вздох – удался! Готовый каравай был нежно золотистого цвета, румяный и блестящий.

На свадьбе, которую вместе с деревенской детворой Арина наблюдала из-за забора, каравай становился частью обряда. Родители встречали молодых с караваем, положенным на вышитый рушник. Жених и невеста отламывали по кусочку – чей кусочек больше, тот и глава семьи. Потом караваем обносили стол, и какой-нибудь ребенок, почему-то обязательно ребенок, надеялся кусочками гостей. Считалось хорошей приметой, если хватит всем. Арина смотрела, как ломается, уменьшается, исчезает их красавец. Было обидно, но ведь каждый праздник когда-нибудь кончается.

Зимой, дома, Арина постоянно что-нибудь пекла. Родители перестали бояться, что она спалит квартиру, экспериментируя с газовой духовкой. Бабушка Галя говорила, что у каждой печи свой характер, который ломать нельзя, а нужно только подстраиваться. Газовая духовка, конечно, не русская печь, но тоже с норовом. Арина перепортила много продуктов, пока не добилась нужного качества выпечки. К двенадцати годам она прекрасно разбиралась в качестве муки, могла с ходу определить свежесть дрожжей. Подружки увлекались то музыкой, то танцами, то строем шли записываться в секцию фигурного катания, то дружно мчались на курсы по составлению сухих букетов. У Арины тоже менялись интересы – то дрожжевое тесто, то песочное, то слоеное, то пресное. Папа с удовольствием уплетал Аринины пироги и печенье, носил на работу в железнодорожное депо расстегаи с вязигой и палтусом. Хвастался – дочка напекла.

Мама требовала единственное:

– Чтобы на кухне было чисто после твоих готовок.

– А то будем звать не Ариной, а Акулиной, – веселился папа.

Это по поговорке о неряшливой женщине: «Видно, что Акулина пироги пекла – все ворота в тесте».

Когда дочь ходила в шестой класс, на ее увлечение родители наложили ограничение. В школе появилась новая учительница, ставшая классной руководительницей Арины. Педагог обратила внимание на руки девочки. Из-за манипуляций с духовкой у Арины случались маленькие ожоги на пальцах, запястьях, предплечьях. Эти ожоги, старые и свежие, навели педагога на кошмарные выводы. Она пригласила родителей в школу – в кабинет директора, где кроме него и классной руководительницы присутствовала еще и завуч.

Мама и папа Арины – простые люди, слесарь и табельщица в депо, испытывали естественный, с детства введшийся страх перед школьным начальством. Увидев директора и завуча, которые еще в их бытность школьниками никому не давали спуска, Аринины родители окончательно оробели. Но если мама в крайнем волнении не могла слова вымолвить, то папа, напротив, становился ершистым, говорил лишнее – петушился.

– Объясните нам природу многочисленных ран на руках вашей дочери! – потребовала классная руководительница.

Мама услышала: «объясните природу», и почувствовала себя двоечницей, не подготовившей урок по географии, закаменела. Папа бросился в бой.

– Какие раны? – хрипло спросил он. – Кто нашу дочку бил?

– Это я у вас спрашиваю! – повысила голос педагог. – У Арины на руках следы систематических пыток! Живого места нет. Жестокое обращение с ребенком – это уголовно наказуемое преступление. Мы привлечем органы опеки и прокуратуру. Мы не позволим вам издеваться над ребенком!

– Вы что? – опешил папа. – Белены объелись?

– Как вы смеете разговаривать с педагогами в подобном тоне? Сразу видно, что за обстановка у вас в семье.

– Наша обстановка не ваше дело, прекрасная у нас обстановка.

– Это она печет, – тихо сказала мама.

– Вот именно! – подхватил папа. – Надо же! Записать нас в фашисты!

– погоди, Володя, – заговорил директор, – не кипятись. Давай разберемся.

– Давайте! – Папа Арины покрылся красными пятнами, на шее у него выступили жилы.

– Каким был, таким и остался, – заметила завуч. – Кулаки раньше мысли. И Катя не изменилась. Тихая мышка.

Завуч смотрела на Ариных родителей с тихой грустью и безо всякого осуждения. В отличие от классной руководительницы завуч не верила, что Володя и Катя могут быть родителями-изуверами. С другой стороны, настороженность молодого педагога надо только приветствовать.

– Есть у Арины раны? – спросил директор.

Володя повернулся к жене с немим вопросом. Она мелко закивала, глотая слезы.

– Печет и обжигается, – едва слышно проговорила Катя.

– Печет у нас дочка, понимаете?! – громко повторил Володя.

– Что печет? – не понял директор.

– Все печет, каждый день. Булки, пироги, торты. Увлечение такое у Аришки. Хобби!

– Странное хобби, – подозрительно процедила классная руководительница.

– Какое есть! – огрызнулся Аринин папа.

– Плохо, что есть хобби, – не сдавалась учительница, – после которого ребенок изранен.

У вас дочь за кухарку?

Мама Арины не выдержала и расплакалась, тем самым как бы подтверждая справедливость подозрений. Папа Арины теперь разозлился на жену:

– Перестань хлюпать!

Им понадобился еще почти час времени, чтобы расставить точки над «i», развеять сомнения.

В итоге завуч сказала, что любое увлечение положительно влияет на профориентацию ребенка. А директор добавил, что профориентация не должна наносить вред здоровью ребенка. Классная руководительница предупредила, что будет внимательно наблюдать за состоянием кожных покровов Арины.

«Следи, кто тебя саму покрывает», – хотел вмазать Володя, но сдержался.

Педагогическая беседа изрядно вымотала его нервы. По дороге домой на последних парах он еще обзывал учительницу душой, но, переступив порог квартиры, обессилил. Мама Арины, напротив, точно зарядилась энергией. Робкая при начальстве, в отношениях с дочерью она поблажек не допускала.

Мама разошлась – кричала, что Арина их опозорила, что все девочки как девочки, а их дочь на пирогах и булках повернулась. От мучного толстеют, они с отцом уже поперек себя шире. И чтобы Арина больше к духовке не подходила, и грамм муки в доме не будет, и пусть Арина только попробует замесить какое-нибудь тесто. Приготовленные дочерью аппетитные пончики в сахарной глазури отправились прямиком в мусорное ведро.

Неожиданный и непонятный вызов папы и мамы в школу («Обязательно оба родителя», – подчеркнула учительница) Арина переживала не меньше их самих. Постаралась, чтобы пон-

чики удались. Пончики удались на славу и... были выброшены на помойку. Арина от обиды разревелась во всю глотку, ведь ничего плохого не делала, и наказание было несправедливым. Папа, мечтавший о бутылке холодного пива и тихом журчании телевизора, схватился за голову. Обычно у них тишь да гладь: дочь кашеварит, жена вяжет на спицах, сам он комментирует новости или сериалы по телеку. А тут одна кричит, другая рыдает – сумасшедший дом. Воспоминание о поруганных пончиках также тревожило. Враки, что к пиву только соленое. Испробовано – под сладкую сдобу пиво отлично идет.

– Заткнитесь! – скомандовал Володя. – Обе замолкли. Так! Ариша, упражнения с духовой отменяются, потому что ты в ранах и на нас пальцами показывают. Мы тебе купим пианино, будешь музыке учиться.

– Не хочу музыке! Сошью большие рукавицы до локтя и обжигаться не буду.

– Ты не будешь торчать у плиты, как каторжная! – стукнула по столу мама. – У тебя должно быть детство, интересы разные, как директор сказал.

Володя с удивлением посмотрел на жену. Директор ничего не говорил про детство с разными интересами, но, по сути, мысль была верной.

– В деревню убегу! – пригрозила Арина. – Буду жить в бабушкином доме.

– Бабушка уже три года на том свете, – напомнила мама.

– Пусть! Вы такие бесчувственные, что мне лучше на том свете с бабушкой! – икая после рыданий выпалила Арина.

Мама испуганно заткнулась. Папа почувствовал второе дыхание: обстановка требует руководства.

– Слушайте меня! – велел он. – Аришке разрешается подходить к духовке только перед праздниками и нашими днями рождения.

Вспомнил, что через несколько дней его именины, обещал приятелям принести на работу чудо-пирожки. Дочка пекла их – объедение, крохотные, на один укус: квадратные – с зеленым луком и яйцом, овальные – с мясом, кругленькие – с капустой, конвертиком – с рыбным паштетом, сердечком – с яблоками или с вареньем.

– И чтобы без рукавиц в духовку не совалась! – грозно продолжил папа. – Проверю. Один ожог, и будет, как мама сказала, – прощай духовка. Приговор понятен?

– Да, папа.

– Приговор обжалованию не подлежит. Ты домашнее задание сделала?

– Почти, – замаялась Арина.

– Марш, готовиться к школе!

Когда дочь вышла из кухни, мама и папа переглянулись.

– Пончики не сильно выпачкались, – прошептала Катя, заглянув в мусорное ведро.

– Доставай. Пиво будешь?

Запрет на практические занятия привел к тому, что Арина увлеклась сбором рецептов. У всех девочек были альбомы, куда записывались стихи, преимущественно – любовные, поэтом-фаворитом считался Эдуард Асадов. Странички украшались приклеенными фотографиями, личными и портретами известных актеров из журналов, нарисованными цветочками и орнаментами по периметру.

В альбоме Арины тоже были цветочки и прочие украшательства, но вместо стихов и мудрых мыслей – пекарские прописи. Арина по памяти восстановила бабушкины рецепты, переписывала из журналов понравившиеся варианты, даже ходила в читальный зал библиотеки и штудировала книги по кулинарии.

В школе Арина училась на твердую «тройку», звезд с неба не хватала. Ее считали недалекой, но смирной, доброй и покладистой девочкой. Популярностью у мальчишек она не пользовалась, хотя внешне была симпатичнее многих школьных прим. Но те вели себя раскованно,

если не сказать развязно. Шутили смело, курили демонстративно, за компанию выпивали – словом, были компанейскими девчатами, с которыми интересно проводить время. Арина прекрасно понимала, что с ней не интересно. О чем говорить? О творожном тесте на кефире? Какому парню это понравится? Только Юрке Озерову. Хотя с ним за десять лет школы Арина парой слов не перекинулась.

Юрка – двоечник, хулиган, оторва, был проклятием Арины. В младших классах он изводил Арину тычками и щипками, стрелял в нее из рогатки, брызгал чернилами на новое платье. Повзрослев, Озеров перешел к атакам посерьезнее: пытался лапать, загнать в кусты или на чердак. Правда, он несколько раз пускался в нечто подобное объяснению в любви. Мол, ты должна стать моей девушкой, никто тебя пальцем не тронет, а меня должна слушаться и все позволять. Решительный отпор Арины только раззадоривал Озерова, который к последнему классу превратился в прибалтанный наглец. Однако сразу после выпускного вечера Юрку забрали в армию, и Арина вздохнула свободно.

Родители хотели, чтобы дочь получила высшее образование. Они усвоили два термина: «бюджетное» и «коммерческое». Бюджетное образование предполагало бесплатное обучение, но для этого требовалось отлично сдать вступительные экзамены, на что Арине рассчитывать не приходилось. Ее пугала перспектива учебы в вузе. В школе была скука смертная, а в институте наверняка того хуже. В школе Арина пялилась на доску, на которой решались алгебраические уравнения или писались мудреные химические формулы – ничего не понимала и чувствовала себя лишней на этом празднике научной мысли. В институте формулы будут еще сложнее, и она снова окажется дура душой среди умных зазнаек.

– Коммерческое мы осилим, – говорил папа. – За гроши двоек не ставят. Все учатся, а наша дочка без высшего образования?

Маме тоже хотелось, чтобы дочка была с дипломом.

Отец предложил:

– Выбирай любой институт, где есть коммерческое отделение. Хоть в юристы иди, хоть в программисты.

Арина была в отчаянии. Выпускные экзамены сдала как в тумане. Отчаяние всегда заканчивается – удачей или новым меньшим отчаянием, но заканчивается. Арине выпала удача.

На автобусной остановке Арина увидела объявление – Московский институт пищевой промышленности производит набор абитуриентов на заочное отделение. Экзамены – в конце августа, в филиале института, находящегося в их городе. Есть коммерческое отделение. Но самое потрясающее! В перечне кафедр института значилось: кафедра технологий хлебопечения. Арина смотрела на это объявление как на послание личного ангела-хранителя и чуть не плакала от благодарности.

Папе было безразлично, в какой вуз дочка поступит, главное – корочка о высшем образовании. Московский институт – даже почетнее. Только на заочное можно поступать? Пусть заочное, хотя и дневное потянули бы, потуже затянув пояса. Но коль заочное, надо работать. Где ты хочешь, доченька, работать? На хлебозаводе? Там же каторжный труд, хуже шахтерского забоя!

Все равно! Арина понимала, что теперь, в главном уступив, может диктовать условия. Мама и папа напрягли связи. У слесаря и табельщицы тоже есть знакомства. Не в высших эшелонах, конечно, но на своем уровне. Без связей в наше, да и любое время не захватить места под солнцем, даже под его, солнца, слабыми лучами.

Арину устроили в кондитерский цех при хлебозаводе. Там делали торты, пирожные, ромбабы, кексы, куличи к Пасхе и на заказ выполняли многоярусные свадебные торты или юбилейные – с шоколадными числами «50» или «60» в центре.

Несмотря на устройство по блату, Арина получила работу крайне тяжелую физически и совершенно тупую в творческом смысле. Неподъемные мешки с мукой, тяжелые противни, жар печей, мучная пыль. В цехе работали женщины давно огрубевшие, битые жизнью, хотя и не злые, но сварливые, с мелочными претензиями к непосредственному начальству и с глобальными – к правительству, депутатам и прочим олигархам. Здесь не было важной составляющей: желания, чтобы плоды твоих трудов порадовали людей. Бабушка Галя каждую плюшку, ватрушку, коврижку мысленно заговаривала: удайся, понравься, будь вкусненькой. Нечто невидимое, неосязаемое – посыл души – Арине казался обязательным.

А в цехе говорили только о выработке, о плане, премиях и штрафах. С равным успехом здесь могли бы не торты печь, а древесный уголь обжигать. Хотя главный технолог была специалистом высокого класса, художником, таким кондитерским скульптором. Когда она украшала свадебные и юбилейные торты, все собирались смотреть на мастерское владение кондитерским шприцем – на замысловатые виньетки, букеты розочек и гроздья винограда из сливочного крема, на фигурки зверюшек (детские персональные торты) из мягкого и мгновенно застывающего шоколада.

Это были редкие моменты, когда забывали о рутине, потоке, конвейере. Моменты короткие, через полчаса вспыхивала очередная свара: Таня разбавила коньяк, Маша тоже разбавила, обе хотели стырить. В результате пропитка для ром-бабы представляла собой слабенький сиропчик. «Сожрут, не заметят!» – как правило, звучало в финале примирения. Вот это «сожрут» Арину коробило более всего. Зачем работать, если испытываешь отвращение к результатам своего труда? По наивности Арина задавала подобные вопросы. В ответ слышала: «Молодая еще, с наше тут помудохайся».

Производство многих кондитерских изделий вызывало у Арины отвращение. Длинный нечистый стол с поверхностью из нержавейки. Кондитеры стоят в ряд: перед одной женщиной готовые испеченные круглые бисквитные коржи, женщина зачерпывает из ведра рукой крем, обмазывает корж, сверху ляпает другой корж и опять мажет кремом, быстро проводит рукой с кремом по периметру круглой стенки будущего торта, передвигает следующей работнице. Та, опять-таки рукой, зачерпывает из миски гранулы посыпки и превращает высокий периметр во вполне аппетитный бортик торта «Мечта». Последняя женщина самая ловкая и опытная, быстро украшает кондитерским шприцем поверхность торта. Три минуты – и получите свою «Мечту».

Сегодня опять не вывезли продукцию? Не наши проблемы! Пусть переклеят ценники с датой изготовления и датой годности, не впервой. Но нам выработку засчитайте, не обязаны за чужую халтуру отвечать и на штрафы влетать!

Работники кондитерского цеха были совершенно справедливы в том, что их труд надо оценивать по количеству произведенной продукции, а не по той, что дошла до потребителя. С этим Арина не могла бы спорить. Но качество! И жуткая антисанитария! Руками крем бухают на коржи! В туалет сходят – и за крем берутся. А руки помыть не подумают. Почему никто из потребителей не отравился за время работы Арины в кондитерском цехе хлебозавода? Загадка, но факт. Наверное, у россиян очень крепкие организмы, закаленные бациллами от других производителей пищевой промышленности.

Перед визитами и инспекциями: санэпидемстанции, пожарных, руководства завода и прочих проверяющих – наводилась подлинная чистота. Не уборщица тетя Маня старыми тряпками возила по столам и по полу, а все работницы драили цех – с потолка до пола. Надевали чистую униформу, доставали кондитерские лопаточки и уже не быстро пальцами крем по коржам тортов размазывали, а лопаточками – замедленно, для прессы.

Первый такой субботник Арины случился во время посещения их цеха вице-губернатором, фланировавшем в белом халате. И группу телевизионщиков, освещавших «поход в

народ», тоже обрядили в чистые халаты. Хотя обычно грузчики в замасленных телогрейках с улицы через весь цех волокли мешки с мукой в кладовую, очень неудачно расположенную.

Журналист, очевидно, выбрав по моложавой фактуре Арину, подсунул ей микрофон:

– Как вы считаете, что нужно сделать для лучшей работы вашего цеха?

– Приходить вам сюда каждый день! – выпалила Арина.

Повисла пауза.

Арина сморозила глупость. Это читалось по всем лицам: театрально наряженных сослуживиц с лопаточками в руках, поджавших губы директора хлебозавода и его заместителей, скривившихся журналистов, которым был нужен не честный, а удобный ответ. Только вице-губернатор сохранял тренированное благодушие.

Он подошел к Арине, больно захватил ее за щеку указательным и большим пальцем, помотал из стороны в сторону:

– Не шали, красотка!

Продолжая улыбаться, тяжело вздохнул, развел руки в сторону, пожал плечами. Мол, девушка хотела привлечь его внимание, знаем мы таких. Это была игра на публику и для эфира не годилась.

– Вырезать потом, – бросил телевизионщикам вице-губернатор.

Кавалькада во главе с ним вышла из цеха. Сослуживицы на разные голоса принялись осуждать Арину: если она хочет тут работать, пусть не выпендривается.

То, что работать на хлебозаводе ей не нравится, Арина поняла быстро. Но ради самой главной встречи, случившейся в кондитерском цехе, Арина согласилась бы торчать тут до скончания века. Главная в ее жизни встреча – знакомство с Филиппом.

Арина волокла тяжелый мешок с мукой, когда неожиданно мешок захватили мужские руки:

– Дай, я отнесу.

Арина разогнула ноющую спину. Парень, симпатичный, легко вскинул мешок и понес в цех.

– Коней на скаку тебе не хватает? – спросил он.

– Каких коней? – удивилась Арина.

– Что перед горящими избами. Национальная забава русских женщин, вроде биатлона. Первый этап – кони на скаку, второй – горящие избы. Есть и другие силовые виды спорта – тетки в оранжевых жилетах с ломami на железнодорожных путях, зимой и летом.

Парень говорил с непонятным раздражением, точно Арина в чем-то провинилась.

Потом Арина узнала, что Филипп после армии устроился на хлебозавод слесарем по наладке оборудования. Точнее, его приняли на ставку слесаря, чтобы зарплата была выше, а трудился он на подхвате у старых мастеров, учился. Филиппу тоже не нравилась его работа. Но не потому, что было скучно, неинтересно или трудно. От вида женщин, которые подвергаются тяжелым физическим нагрузкам, Филиппа коробило. В кондитерском цехе еще сносно, в хлебопечном – каторга. Бабы что ломовые лошади, хотя войны давно нет. При этом сам Филипп и его мастер-наставник разгуливают с легким ящичком для инструментов. Специалисты! Подобная расстановка сил казалась Филиппу подлой, точно спрятался он за спины женщин, ловко устроился. Возможно, со временем Филипп приспособился бы, перестал терзаться тем, что прохлаждается на легкой работенке, когда бабы горбатятся. Однако Филипп не хотел приспосабливаться и подумывал о другой работе. Его останавливала только надежда мастера вырастить себе достойного помощника и заместителя. Мастер был отличным мужиком и одновременно каким-то троюродным дядей Филиппа.

А потом Филипп прочно увяз на хлебозаводе, потому что здесь работала Арина.

- Куда сыпать? – спросил Филипп.
- В мукопросеиватель, – ткнула пальцем Арина.
- Да у нас тут добровольные грузчики появились, – хохотнула одна из женщин.
- То женихи на Аришку слетаются, – подхватила другая.

И третья нашла, что сказать, и четвертая не задержалась с крепким словечком. На хлебозаводе женщины брехливы, как цепные собаки, и ядовиты, как змеи. Филипп к этому уже привык: не краснел, не огрызался и не обижался. Теткам ведь требовалась разрядка, пусть словесная, пусть с матерком. Подражая мастеру, Филипп иногда вступал в перепалку, подыгрывал, веселил женщин. Но умел и не замечать колючих подначек. В тот раз, когда впервые Арину увидел, демонстративно не замечал и не слышал.

- У тебя когда смена заканчивается? – спросил он.

Арина фыркнула: мол, сразу на «ты» и по-деловому свидание назначает, скоростник. Не на ту напал.

- В четыре у нее смена заканчивается, – ответил кто-то.
- Буду ждать тебя за проходной, – сказал Филипп.
- Вот еще! – мотнула головой Арина.
- Придет, придет, – заверили женщины.

Во время обеденного перерыва они всегда говорили о болезнях. Заводские новости и телесериалы успевали обсудить до обеда. Про различные хвори и способы лечения говорили в сорокаминутный отдых: обстоятельно, со вкусом – любимая тема. Конечно, у всех женщин были проблемы с позвоночником, болели суставы, отекали ноги, варикозно корячились вены. Плюс запоры и поносы у внуков, нутряные болезни у дочерей, невесток, соседок. Лекарствам, которые выписывали врачи, противостояли народные средства и заговоры целителей. Арина вставляла в ухо наушник плеера и включала тихую музыку – слушать про болезни, лекарства и чудодейственные заговоры надоело.

Но в тот день, после выступления Филиппа с мешком муки и назначения свидания, во время обеденного перерыва женщины почему-то не обсуждали слабительные средства и методы очищения организма от шлаков. Они впали в романтически-историческое настроение. Вспоминали, как познакомились с мужьями, не упоминая про постылые будни с вечно пьяным супругом. Не клеймили мужиков, а рассказывали про первые свидание, про свадьбы, рождение первенцев. Лица женщин разгладились, как будто морщинки испугались светлых воспоминаний и спрятались.

Арина ждала, что к концу обеда товарки все-таки скатятся к негативу. Потому что они давно разучились радоваться продолжительно, только вспышками. Если случалось что-то хорошее, обязательно заходила речь о плохом, которое непременно последует. Дали премию – отлично, но в следующем месяце, как пить дать, зажмут. Родился внук – большое счастье, но молодым негде жить. Купили машину, но подержанную. Отметили выход на пенсию, но пенсии хватает только на квартплату. Но этот разговор неожиданно закончился не мрачными прогнозами и пессимистическими сетованиями, а советами Арине не проморгать Филю. Сразу видно – парень надежный и крепкий, малопьющий и совестливый. Арина только фыркнула в ответ на прямолинейное и неуклюжее сводничество.

Хотя Филипп ей очень понравился, Арина не собиралась демонстрировать свою симпатию. Она постарается быть загадочной.

Арине не раз говорили, что у нее красивое, простое, открытое лицо. «Простая, открытая» – это про собачью морду, считала Арина. Друг человека с восторгом выполняет команды: «Ко мне! Лежать! Дай лапу!» – получает за это косточку и прыгает от радости. А женщина должна быть загадочной, вроде спрятанного клада, который мужчина стремиться отыскать и насладиться в трудах обретенными сокровищами. Подобные мысли Арине внушили статьи в глян-

цевых журналах и романы зарубежных беллетристок, чьи книги выпускались в ярких обложках со знойными красотками и красавцами в момент объятия – вскрытие клада, очевидно.

Напускная загадочность слетела с Арины после первого же вопроса Филиппа, который встретил ее за проходной.

– Айда на лодках кататься? – предложил он.

– Айда! – с ходу согласилась Арина.

Два часа дня (утренняя смена начиналась в пять утра), тепло, светит солнце, в будний день в городском парке немногочисленно, лодку можно взять без очереди, да и на пруду будет свободно. Кроме загадочности, журнальные статьи еще рекомендовали всегда и всюду сохранять кокетливую игривость. Мол, мужчины любят веселых, задорных женщин, создающих хорошее настроение, не обременяющих спутников своими заботами и проблемами. Последняя установка находилась в прямом противоречии с первой, но Арина этого противоречия не замечала. Кроме того, веселость давалась ей без труда и насилия над собой: солнечный день, приятный паренёк, катание на лодке вместо корпения над учебниками – вот и хорошее настроение.

Арина запрыгнула в лодку, Филипп снял кроссовки и носки, положил их в лодку, потому что ее надо было толкать на глубину, стоя по щиколотку в воде. Кроссовки у него были новые, первый день носил, дорогие.

– Классные, правда? – похвастался Филипп, сев в лодку и вставляя весла в уключины. – Всю получку потратил на них.

– Ничего кроссовочки, – одобрила Арина.

Пруд имел форму гигантского обгрызанного блина, Филипп активно работал веслами, отплыв метров сто, резко повернул, чтобы сделать большой круг вдоль берега. Арина чувствовала себя легко и свободно, как будто Филипп был давним знакомым, с которым долго не виделись и теперь обменивались новостями. Они говорили о школах, которые закончили, Филипп рассказал про армию, он служил в Подмосковье. Арина поймала себя на том, что рассматривает с непривычным волнением босые ступни Филиппа, его щиколотки, ритмичное перекачивание мышц на груди под футболкой. Арина повернулась боком, согнулась в талии, опустила руку в воду. «Забыла, что нужно быть игривой, – мысленно одернула она себя. – Вместо этого плююсь на него как кошка на сметану. Что бы игривое придумать?»

Через несколько минут Арина, воспользовавшись тем, что Филипп смотрел в сторону, затолкала одну кроссовку Филиппа себе в сумку и ойкнула:

– Филипп! Извини, пожалуйста!

– В чем дело?

– Я случайно утопила одну твою кроссовку, когда мы разворачивались.

– Как утопила?

– Нечаянно.

– А почему сразу не сказала?

– Побоялась. Прости!

Филипп был явно расстроен, но при этом не злился на Арину, смотрел не гневно, а удивленно. На его месте Арина вела бы себя иначе. Утопи кто-нибудь ее новую туфлю, Арина второй отхлестала бы виновника. То есть она не хотела, конечно, чтобы Филипп бил ее по башке кроссовкой, просто ничего игривее не придумалось.

Филипп горько вздохнул, а потом неожиданно взял вторую кроссовку за шнурок, раскрутил над головой и зашвырнул далеко-далеко.

– Ты что наделал! – закричала Арина.

– Утонули шузы так утонули.

– Дурак!

– Кто, я дурак? – теперь уж возмутился Филипп.

– Гребь скорее! Может, успеем поймать. Да гребь же!

– У меня, если ты не заметила, две ноги и одна кроссовка мне без надобности.

– Да греби же! Утонет! Вот вторая! – выхватила из сумки кроссовку Арина. – Я пошутила. Греби!

– У тебя приколы! – только и мог сказать Филипп.

Они долго кружили на месте предполагаемого падения кроссовки. Арина чуть не плакала, она была готова нырнуть в холодную воду, только бы вернуть Филиппу злополучную кроссовку. Но та, очевидно, легла на дно, на десятиметровую глубину. Видя отчаяние Арины, Филипп утешал ее, говорил, черт с ними, с кроссовками, он себе другие купит и даже врал, что кроссовки были ему маловаты. Навсегда зарекшись быть загадочной или игривой, Арина неожиданно и безотчетно провернула самый трудный женский приемчик: из виновницы превратилась в жертву, из ответчицы в потерпевшую.

Филипп шлепал по улицам босиком, на него смотрели подозрительно-насмешливо, но косые взгляды почему-то вызывали не стыд, а веселье. Дом Арины находился недалеко от парка, Филипп жил на другом конце города. Арина настояла, чтобы Филипп подождал ее во дворе, она сбегает за какой-нибудь папиной обувкой. Папа и мама оказались дома.

– Дай на время свои кроссовки, – торопливо попросила Арина отца. – И носки.

– Зачем? – насторожился папа.

– Кому? – уточнила мама.

Арина спешила, почему-то боялась, что Филипп может уйти, не дожидаясь. Ей хотелось поскорее хоть как-то загладить свой идиотский промах.

– Это одному парню, – быстро объясняла Арина. – Он утопил свои кроссовки, то есть утопил одну, потому что думал, что я утопила сначала другую, а я не топила, просто глупо пошутила.

Родители ничего не поняли.

– Какому еще парню? – спросил папа.

Мамин вопрос, как всегда, был точным:

– Где этот парень?

– Сидит во дворе, – махнула рукой в сторону балкона Арина. – Папа, у тебя, кажется, есть новые кроссовки? Дашь? Только подойдет ли размер?

Родители, не отвечая, прошествовали на балкон. Арине ничего не оставалось, как последовать за ними. Она помахала рукой Филиппу, он помахал в ответ.

С высоты третьего этажа родители не могли хорошо рассмотреть парня, но существенные нарушения заметили.

– Почему он босой? – спросил папа.

– Я же объясняла! – вспыхнула Арина. – Мы катались на лодке, Филипп выбросил кроссовку в воду, думал, что я другую утопила. Он думал, потому что я сказала, а я сказала для игривости. Что тут непонятного?

– Все! – ответил папа.

Мама, видя дочь в непривычном возбуждении, решила, что к объекту волнения Арины надо присмотреться внимательнее.

– Пусть босой мальчик поднимется в квартиру, – постановила мама.

Так получилось, что после первого же свидания родители Арины познакомились с Филиппом. Когда история с утопленными кроссовками была восстановлена, над Ариной потешались в три голоса. Правда, Филипп быстро переметнулся, стал говорить, что шутка была прикольной, просто он не въехал. Родителям Филипп понравился.

Арина и Филипп виделись каждый день. Он норовил заглянуть в кондитерский цех во время работы, а после смены они гуляли по городу, обедали в кафе, ходили в кино – не расставались до позднего вечера. У Арины росло и крепло чувство, которое она назвала бы не любовью, а родственностью.

Однажды она так и сказала Филиппу:

– Ты мне точно родной! Как брат-близнец. Будто нас разлучили в детстве, а теперь мы встретились и понимаем друг друга с полуслова и наговориться не можем.

Филиппа ее признание не порадовало.

– Только фараоны женились на своих сестрах, – сказал он.

Арина вспыхнула, услышав это замаскированное объяснение в любви, и смущенно возразила:

– Чем плохи фараоны? Они те же цари.

– Фараоны выродились, – напомнил Филипп.

– А я на экзаменах проважусь, – вздохнула Арина без всякой связи с предыдущей темой. – Мама и папа мечтают, чтобы я в институт поступила, но ничего не выйдет.

Арина все свободное время проводила с Филиппом, учебников так и не открыла.

– Хочешь, я вместе с тобой буду поступать? – великодушно предложил Филипп.

– Правда? – обрадовалась Арина. – Там есть механический факультет.

– Мы провалимся оба, – продолжал Филипп, – и твоим родителям будет не так обидно.

Но они, к большому удивлению, поступили. На устных вступительных экзаменах нужно было хоть экать, хоть бэкать, хоть мычать – только не молчать. Письменные экзаменационные работы, наверное, никто и не читал. Филиалу института требовалось выполнить план набора коммерческих студентов, и брали всех без разбора, лишь бы плату внесли.

Арина и Филипп были уверены, что вылетят после первой сессии, и снова ошиблись. Деньги решали все. Только за экзамены теперь платили не в кассу, а сбрасывались, староста группы передавал деньги преподавателям, те рисовали в зачетках положительные оценки. Ситуация повторилась и в летнюю сессию. Ребята могли себе позволить потратиться на экзамены, хотя сама по себе ситуация с липовой учебой отдавала бессмысленностью – платить деньги за незнание, за корочку в будущем, за студенческий отпуск? Через два года филиал в их городе закрыли, и сдавать сессию нужно было в Москве. Там всю катил тот же конвейер наборов перед экзаменами.

Справедливости ради нужно сказать, что в столице некоторые предметы и спецкурсы по хлебопечению заинтересовали Арину, она ими увлеклась и сдавала экзамены честно, без денег. Филипп тоже почерпнул немало полезного в дисциплинах по ремонту, монтажу и сервисному обслуживанию хлебопекарного и кондитерского оборудования. Преподаватели были винтиками в давно отлаженной системе, хорошо зарабатывали на незнании студентов, но, истосковавшись по настоящим ученикам, если видели мало-мальскую заинтересованность в своих предметах, горячо откликались.

Филипп и Арина поженились на втором курсе. Во время подготовки к свадьбе Арина гораздо больше пыла и заинтересованности выказала свадебному караваю, чем подвенечному платью. Что платья? Они все красивые, одно другого наряднее, ошибиться невозможно. Другое дело – каравай. Арина раззадорила профессиональную гордость сослуживиц. Десять раз поссорилась и помирилась с товарками, рыдала и доводила до слез технолога. И все-таки они добились нужного вкуса теста, испеченный свадебный каравай своим украшением напоминал покрытую лаком деревянную скульптуру, вырезанную рукой мастера. Рецепт этого караваея потом взяли в ассортимент, в продаже он значился как «Каравай свадебный элитный», а в цехе его все называли «Аришкин». После успеха с караваем Арина попыталась внедрить и другие свои задумки, но столкнулась с жестким и безоговорочным сопротивлением коллег. Одно дело – свадьба у самой молодой сотрудницы, тут все костыми легли и капризу потакали. Другое дело – всякую блажь на поток ставить. «Из яиц и курочки сделает и дурочка», – напомнили Арине поговорку. А им нужно было извернуться без яиц и курочки, да с большим припеком работать.

Загодя было решено, что Филипп переезжает к Арине. У нее была своя комната, а Филипп в точно такой же двушке делил комнату с сестрой и братом, родители – в соседней.

Но накануне свадьбы кто-то спросил Филиппа: «В примак идешь?» Он не понял, посмотрел в Интернете, что такое «примак». Словарь Даля не порадовал: примак называют зятя, принятого в дом тестем. Примак – он же призначеный, влазень и животник.

– Я влазнем не хочу быть! – заерепенился Филипп. – Тем более – животником!

Его строптивость Арине показалась глупой, о чем она прямо и заявила. Но Филипп стоял на своем – как-нибудь поместимся у моих или давай комнату снимать. Обычно покладистый и мягкий, Филипп вдруг уперся – не сдвинешь. Нашла коса на камень.

Полюбив Филиппа, Арина не только расцвела и выглядела настоящей красавицей, но и не поглупела, как часто бывает со счастливыми девушками, у которых первый чувственный опыт тормозит работу мозга. Напротив, Арина стремительно набиралась мудрости, словно внутри нее открылась и активно наполнялась копилка женской науки. И то, до чего Арина доходила своим умом, методом проб и ошибок, не описывалось ни в одном журнале.

Арине удалось переубедить Филиппа, приведя в пример известного и заслуженного государственного деятеля:

– Человек всю жизнь носит фамилию Примаков. И не стесняется! И достиг высот, и никто его влазнем или животником не дразнит. Не место красит человека!

Примаков на Филиппа подействовал, и в примакх Филипп зажил славно. Родители и молодые сосуществовали на зависть мирно. Никто не спорит, что новой и старой семье лучше жить порознь. Но если нет такой возможности, любящие и деликатные люди сумеют проявить терпение, пойти на компромисс или даже на жертвы ради доброй атмосферы в доме. Родители старались ни в чем не стеснять молодых и предоставить им максимум интима. Слышимость в квартире была как в карточном домике, поэтому мама и папа Арины вечером включали телевизор на полную громкость и засыпали под оглушительные вопли позднего рок-концерта. Когда случались мелкие бытовые споры, общее мнение отсутствовало, то группировки менялись: то тесть с зятем выступали единым мужским фронтом, а мама с дочкой противились покупке нового перфоратора в ущерб зимним сапожкам, то зять с тещей объединялись против слишком частых и вредных для фигуры Ариных печений. Отец Арины, давно махнувший рукой на лишний вес, стал на защиту дочери, не желая отказываться от вкуснейших булок-плюшек и пирогов-расстегаев.

Богатство свалилось на Арину неожиданно, хотя никакого чуда в этом не было. Одному состоятельному человеку приглянулся старый деревенский дом прабабушки Гали. Дом стоял в живописном месте, при доме участок в двадцать соток, а если прикупить бывшее картофельное поле, то захватывался спуск к реке с маленьким песчаным пляжем. Для Арины и ее родителей старый дом был головной болью. Машины у них не имелось, от конечной остановки автобуса до деревни нужно топать пять километров и все тащить на себе – от инструментов и гвоздей, до хлеба и еды.

Ничего ценного в доме оставлять было нельзя, потому что процветало воровство. Каждый приезд начинался с того, что из схорона в подполе доставали топоры, лопаты, одеяла и постельное белье, посуду и прочие необходимые вещи. А перед отъездом все это нужно было снова прятать.

Кроме того, Аринины родители не любили ковыряться в земле, папа считал, что картошку и овощи проще купить в магазине, чем корячиться на грядках, а потом переть все в город на своем горбу.

Арина очень любила старый дом, и у нее сердце обливалось кровью: дом ветшал, огород и палисадник зарастали бурьяном. Но Арина понимала, что не только человек владеет домом, но дом владеет человеком, требуя постоянной заботы. То крыша прохудится, то печную трубу надо чистить, то ступеньки подгниют, то забор завалится – конца и края этому не видно, и проблемы будут только накапливаться.

Филиппу нравилось выезжать на природу, он выполнял срочные аварийные работы, но без особого удовольствия, по необходимости. Для Филиппа идеал дачи – это приехать, сходить в лес за грибами, искупаться в реке, попариться в бане, пожарить шашлыки. Но никак не махать топором с утра до вечера или косить траву.

Арина, наследница и владелица дома, после настойчивых просьб бизнесмена Воронина согласилась встретиться с ним. Она шла на встречу, чтобы лично объяснить человеку, что дом не продается. Воронин отказов по телефону не принимал и обижался на нежелание вести переговоры. Обижать людей Арина не любила. Филипп не разделял точки зрения жены, но помалкивал, потому что право голоса принадлежало только Арине.

Встреча происходила в офисе Воронина. Арину и Филиппа провели в комнату для переговоров, предложили чай и кофе, печенье и шоколад, извинились – господин Воронин немного задерживается, у него срочный телефонный разговор с зарубежными партнерами.

Заманив молодых людей на свою территорию, окружив их точно высоких особ заботой, подчеркнув свою значимость и занятость задержкой, Воронин рассчитывал произвести впечатление, подготовить базу для торга. Но поскольку Арина не собиралась продавать дом, эти уловки не сработали. Филипп и Арина не заробели, болтали о своем, пока не пришел Воронин. У него было приятное лицо и располагающие манеры, неопределенный возраст – уже за тридцать, но еще не шестьдесят. Такую внешность Арина несколько раз отмечала у людей, облеченных властью. Они точно носили тонкую маску на лице – светились доброжелательностью, уверенностью, излучали надежность и оптимизм. Но под маской Арина угадывала настоящее лицо – бесконечно усталое, напряженное, отвыкшее расслабляться. Двудликие люди – богатые, властные, хозяева жизни – вызвали у Арины сострадание. Филипп, ясное дело, над тонкостями физиогномики никогда не задумывался, и Воронин произвел на него впечатление крепкого делового мужика себе на уме.

– Вы извините, – сказала Арина, – но бабушкин дом не продается.

– Продается все, – покровительственно улыбнулся Воронин и, увидев реакцию Арины, уточнил: – Я не имею в виду чувства, конечно. А вещи, предметы – от Эфелевой или Пизанской башни до отпечатка мамонта или ржавого копья скифов – имеют цену. Она может быть реальной, но может и зависеть от капризов, фантазий продавца. Надеюсь, что я удовлетворю вашу фантазию. За бабушкин дом я предлагаю полтора миллиона рублей. Это очень и очень высокая цена. Подумайте! Это стоимость нормальной двухкомнатной квартиры в нашем городе. Разве вам не нужна своя квартира?

«Нужна, еще как нужна», – легко прочиталось на лицах Арины и Филиппа.

Но Арина помотала головой:

– Простите, нет!

– Сколько же вы хотите? – спросил Воронин.

Арина хотела сказать, что они нисколько не хотят, что этот дом для нее – много-много чувств, которые не продаются.

Но неожиданно подал голос Филипп:

– Пять миллионов! – брякнул он.

– Ого! – задрал брови Воронин.

– Да что ты... – начала Арина, повернувшись к мужу.

– Согласен! – быстро сказал Воронин. – Пять миллионов рублей и в качестве бонуса оформление за мой счет.

Арина и Филипп растерялись. Они не представляли себе эту сумму. Человек, который получает пятнадцать тысяч рублей в месяц, не умеет считать на миллионы. Но совершенно определено цена несоразмерна покупке.

– Это слишком много, – пробормотала Арина. – Зачем вам... почему вы...

– Мне очень понравилось место, просто влюбился в него. В конце концов, я могу позволить себе этот каприз. Как, впрочем, и вы себе свой. По рукам?

Он поднялся и протянул руку Арине, она машинально пожала ее. Воронин обменялся рукопожатием с Филиппом и сказал, что договор купли-продажи будет готов на следующей неделе.

Пять миллионов рублей, упавшие в банк на счет Арины (у Филиппа, конечно, была доверенность на полное управление счетом), взбудоражили родню. Никто не мог представить себе эту сумму, но любимым занятием стало подсчитывание, сколько можно на пять миллионов купить: квартиру, машину, барахла. При этом старшее поколение придерживалось мнения, что деньги тратить нельзя, вон какие проценты капают. Молодежь считала глупым копить. На что? И так денег куча, вот счастье подвалило.

У Арины была мечта, совершенно несбыточная, Арина о ней никогда не говорила, но все и так знали. Арина помешана на хлебопечении и кондитерстве, предел ее мечтаний – иметь собственную пекарню. До продажи дома глупо было строить подобные проекты и вдруг стало – реально.

Месяц Арина и Филипп боялись притронуться к деньгам, а потом вошли во вкус. Первые их траты были подарками родителям. Обеим мамам купили по норковой шубе. Это было необычно, немного страшно и очень приятно – отвалить по шестьдесят тысяч за шубу. Конечно, не в деньгах счастье. Но видеть, как твоя мама раскраснелась, ошалела от радости – не только из-за дорожащей обновки, а и потому, что дети могут себе позволить подобные жесты – разве не счастье?

Хотели еще бабушке Филиппа купить норку, но бабушка решительно открестилась:

– Смерти моей хотите. Я вжисть не носила мехов, случись что с шубой – потрется или моль побьет, я на тот свет раньше времени от расстройства сыграю.

– Но что же вам подарить, бабушка? – спросила Арина.

– Ничего мне не нужно, милая. У вас все было бы хорошо – это для меня лучшее.

Филипп и Арина задумались. У них столько потребностей, а ведь бабушке действительно уже ничего не нужно.

– Так не бывает, – сказал Филипп. – Бабуля, должно быть у тебя желание. Колись или шубу купим!

Бабушка помялась, поотнекивалась, а потом все-таки сказала, что мечтала на могиле деда поставить гранитный памятник.

Памятник был установлен, родителям Филиппа куплен новый холодильник, в квартиру Ариных родителей – большой телевизор и стиральная машина, брату и сестре Филиппа подарили по компьютеру, двоюродным – хорошие сотовые телефоны.

Филипп и Арина чувствовали себя Дедом Морозом и Снегурочкой, которые направо и налево раздают подарки. Арина говорила, что у Деда Мороза и Снегурочки не работа, а сплошное удовольствие – делать людей радостными и счастливыми.

К ним потянулись знакомые, малознакомые и знакомые через третьих лиц люди занимать деньги. У каждого была своя печальная история и настоятельная потребность в деньгах. Арина никому не отказывала, просили-то по мелочи – что такое три или пять тысяч по сравнению с миллионами в банке? Но родители при полной поддержке Филиппа пресекли разбазаривание средств.

– Это ведь тебе от бабушки подарок, – напомнила мама. – Чтобы ты свое дело открыла, то есть ее дело продолжила. Хватит транжирить! По крупинке да по крупинке весь амбар вычистят. Оглянуться не успеешь – в банке кукиш останется.

У Филиппа появилось новое словечко – «бизнес-план». Муж говорил, что все нужно делать по уму: квартиру покупать, машину, дело открывать – в соответствии с бизнес-планом.

Но до всех деловых планов они съездили в Италию. Филипп признался, что с детства мечтает побывать в Венеции, увидеть город, в котором дома стоят на воде, – вышел из парадного, спустился по ступенькам, сел в лодку и поплыл по делам. Лодки с задранными носами и хвостами называются гондолами, а лодочники – гондольерами, у них своя красивая униформа.

Филипп учился в пятом классе, накануне Нового года мама спросила его:

– В каком костюме ты хочешь быть на празднике?

– Гондольера, – ответил Филипп.

– Кого-кого? – возмутился отец. – Гондольера?

Отец работал крановщиком и никогда не интересовался Италией. Когда Филипп рассказывал про венецианских лодочников, отец покачал головой и посоветовал:

– И все-таки лучше, сынок, нарядись зайчиком или волком. Не позорься.

Арина предложение Филиппа горячо поддержала, мечтательно закатила глаза:

– О, Италия! Чиабатта, фокачча, романьонская пьядина, пистокку!

– Они далеко от Венеции? – спросил Филипп.

– Это сорта итальянского хлеба! – с упреком ответила Арина. – Чиабатту пекут в Москве, но из импортного замороженного теста. Хотя рецепт прост, нужно только правильные сорта муки и хорошие дрожжи. И кондитерка в Италии, наверное, потрясающая. Решено – едем!

Они купили тур по Италии и побывали не только в Венеции, но и в Риме и Флоренции. Впечатления от поездки остались самые прекрасные, но и сами Филипп и Арина запомнились персоналу гостиниц во всех трех городах. Дело в том, что каждый вечер, возвращаясь в гостиницу, Арина покупала полные пакеты хлеба и выпечки – на пробу. Остальные члены туристической группы думали, что молодая семья экономит на ужинах и трескает в номере булки. Но съесть такое количество было немыслимо.

– У вас углеводная диета? – спросила, не сдержав любопытства, одна женщина.

И кивнула на сумки, из которых торчали будто клюшки для гольфа батоны.

– Что не съедим, – ответил Филипп, – то понаядкусываем.

Арина действительно только дегустировала продукты, потом записывала в свою тетрадку название и свои впечатления. Наутро горничные обнаруживали в номере гору надкусанных хлебобулочных изделий и не решались их выбрасывать. Вечером Арина приносила новую партию для тестирования. К пятому дню пакеты с черствым хлебом и недоеденными пирожными занимали все горизонтальные поверхности в номере, включая пол и исключая только кровать.

Арина и Филипп никогда не останавливались в гостиницах и правил проживания не знали. Администрация отелей, хотя и привыкла к чудачествам постояльцев, такого еще не видела: не батареи бутылок от спиртного, а килограммы несъеденного хлеба! И поверх пакетов бумажка с несуразной надписью. Дело в том, что Арина и Филипп стеснялись сами вынести отходы дегустаций. Вносить – нормально, а выносить – неудобно, что персонал подумает? Персонал думал, что эти русские у них тараканов с мышами разведут. Арина выяснила, что мусор в Италии не выбрасывается скопом, а сортируется. Если выбросил пищевые отходы в бак для пластика и для бумаги – штраф. Экскурсовод сказала, что пищевые отходы называются «органика» или «мундиция умида» – «мусор влажный» в дословном переводе.

«Мундиция» запала Филиппу в голову, и он весь вечер у телевизора повторял это слово применительно к игре российских футболистов, проигравших очередной товарищеский матч. И так надоев Арине, что она выбрала «органику» для своих целей. Добросовестно писала на листочках бумаги «organics» и водружала на пакеты с надкусанными хлебобулочными изделиями. Но логика ее действий так и осталась непонятой персоналом отелей. Что имели в виду эти русские? От греха подальше, оставим пакеты нетронутыми.

Туристы из группы расспрашивали гидов о магазинах, о скидках, Арину же интересовало, где можно приобрести ферменты для хлебопечения. Но гиды слухом не слыхивали о

маточных дрожжах и отсылали в супермаркеты, где продавали обычные прессованные или сухие дрожжи.

Арина, если ее не остановить, могла часами рассказывать о дрожжах, об опаре, о закваске. Дрожжи – они живые, их выращивают как растения, они – настоящее чудо, превращающее смесь муки и воды в произведение хлебопечного искусства. Арина умела замесить слоеное, песочное, заварное тесто, но ее любимым было дрожжевое – дышащее, растущее, нежное, передающее свои свойства по наследству, потому что закваску делают с применением старого теста. Рабочий материал пекаря можно было бы сравнить с глиной скульптора, но сравнение будет не в пользу скульптора. Что глина? Не хватило, новой намесил. А тесто самое вкусное бывает, когда несколько раз поднялось. Его прокалывают или месят, чтобы высвободить пузырьки углекислого газа, и опять оставляют подняться. Тут появляется риск – дрожжам может не хватить сбраживаемого субстрата, и тесто перестанет дышать и расти.

К сожалению, местный завод по производству дрожжей не мог похвастаться отличной продукцией. Технология часто не соблюдалась, дрожжи выходили больными, слабыми и малоэффективными. Самой выращивать дрожжи сложно – процесс начинается с пробирок, с химической лаборатории со специальным оборудованием и термостатами. Поэтому хорошие исходные материалы: дрожжи, мука, разрыхлители и прочие добавки имели очень большое значение. Без качественных исходников не было смысла затевать дело. В современном производстве не обойтись без химических усилителей, но Арина не собиралась ими злоупотреблять.

Им потребовался без малого год, чтобы открыть свое дело. Было страшно ввязываться, так иногда страшно, что хотелось все бросить, пустить деньги на красивую беспечную жизнь, на зарубежные поездки – потратить миллионы и забыть о них. К счастью, приступы отчаяния у Арины и Филиппа не совпадали по времени. Когда у Арины опускались руки, муж оптимистично загибал пальцы:

– Во-первых, у нас есть бизнес-план. Во-вторых, не боги горшки обжигают. В-третьих, мы ничего не теряем из того, что у нас было год назад. Как свалились на нас деньги, так и уплывут.

– Правильно! – поддерживал зятя Аринин папа. – Надо как на рояле играть – глаза бояться, а руки делают.

Никто не понял сравнения, Аринина мама посмотрела на мужа подозрительно – что он под «роялем» имел в виду? И уточнила:

– Не корову продавать.

Родители Арины и Филиппа нервничали еще больше молодых. Понятие «открыть свой бизнес» относилось к сфере, в которую родители никогда не заглядывали и не мечтали. Но они хотели, чтобы дети вырвались в высшие сферы и неуклюже прятали свои страхи, активно помогали, чем могли.

Когда Филипп после очередного «динамо» поставщиков – обещали одну цену, по факту требуют более высокую – срывался и говорил, что в гробу видел этот бизнес, Арина, пребывая в другой фазе, успокаивала мужа и хвалила за то, что не пошел на поводу у рвачей и ханыг.

Им не удалось купить квартиру, зато приобрели помещение в сто двадцать квадратных метров на первом этаже в доме, который находился на бойком месте, в центре. Вместо престижной иномарки Филипп купил «Газель». Бизнес-план постоянно менялся, и от первичных задумок пришлось отказаться. Хотели развернуться по-взрослому: большой цех с печами, тестоделителями и тестоокруглителями, закаточными машинами, расстоечными камерами и шкафами, миксерами, хлеборезательными машинами и прочим оборудованием. В итоге остановились на мини-пекарне с самым необходимым оборудованием, которое разместилось на площади в сорок квадратных метров.

Арина настаивала, чтобы при пекарне было небольшое кафе на пять-шесть столиков. Пирожки и пончики с пылу с жару и чай, кофе. Она хотела видеть, как люди утоляют голод, их лица в момент распробывания ее изделий. Для этого, собственно, все и затевается. Чтобы купили один раз батон или подовый хлеб и пришли второй, третий раз.

Желания Арины были вовсе не альтруистическими. Ведь ей хотелось признания, восхищения, славы. Надежда разбогатеть, перейти на качественно другой уровень жизни тоже присутствовала, но только как перспектива, отдаленное будущее.

Под кафе и магазин отвели пятьдесят метров, два санузла – служебный и для посетителей, кладовые, маленький кабинетик – вписались тык-впритык. Арина и Филипп уволились с хлебозавода, потому что устройство пекарни требовало их участия с утра до вечера.

Проблемы множились и росли снежным комом. В помещении, которое купили, раньше находился магазин готового платья, норма потребления электроэнергии и на треть не покрывала требуемого для пекарни. Если использовать магистральный газ, то не упадет ли давление в газопроводе? Нужно было устанавливать мощное вентиляционное оборудование – взбунтовались жители верхних этажей дома.

Местный архитектор, которому заказали дизайн-проект, заломил несусветную цену, но, как оказалось, ничего не смыслил в требованиях к пищевым производствам.

И так на каждом шагу – куда не торкнись, везде проблемы, ничто не текло как по маслу, не давалось с первого подхода. Не хватало знаний, об опыте речь уж вовсе не шла. Как рассчитать стоимость пирожка, свадебного каравая или круассана, при этом не отпугнуть ценой и остаться рентабельными? Каковы должны быть запасы исходных продуктов с учетом возможных сбоев в поставках? Покупать ли холодильник с прозрачной дверцей для «долгоиграющих» пирожных? Автомат для газированных напитков? Как наладить вывоз мусора, ведь посуда в кафе будет пластиковой, одноразовой?

В области, при губернском правительстве имелся комитет содействия малому бизнесу. Комитет представлял собой чиновника, который только и предложил Филиппу кредит на льготных условиях. Кредитов Арина и Филипп остерегались, а их родители и вовсе считали кредиты петлей на шее, вслед за которой у всех отберут квартиры и пустят по миру. Филипп попросил чиновника выступить гарантом при заключении договоров с поставщиками, что подразумевало скидки, предоставить по разумным ценам услуги плановиков и экономистов, финансировать рекламу. Чиновник кивал и записывал за Филиппом.

– Мы обдумаем ваши предложения, – сказал чиновник, отложив ручку.

– Это не предложения, – хмыкнул Филипп, поняв, что помощи ожидать нечего, – это просьба о содействии. Вы ведь чиновник по содействию?

– Председатель комитета. Для вас, Филипп, хотя вы еще не начали деятельность, у меня есть премиальное поощрение. Семинар для индивидуальных предпринимателей! Только для избранных! Неделя в доме отдыха на берегу Волги. Все включено. Лекции ученых экономистов, мастер-классы ведущих бизнесменов. Вы меня понимаете? – подмигнул чиновник.

– Понимаю, – встал со стула Филипп. – У вас свой бизнес-план, у меня – свой. Вот только мне сейчас не до мастер-классов под уху и загорания-купания. Мне бы витрину и пластиковые окна найти подешевле.

Государство в лице чиновника по содействию никакого содействия не оказало, а человеческая помощь была бесценной. Приехав на очередную экзаменационную сессию в Москву, Филипп и Арина засыпали своих преподавателей вопросами. Преподаватели не только потратили много часов на консультации молодых предпринимателей, но составили им протекции. Филиппа связали с поставщиками оборудования, Арину – с директором мукомольного комбината. Известный архитектор, к которому опять-таки пришли по звонку, сказал:

– Мои услуги вы материально не потянете, но у меня есть дипломница, очень перспективная девушка.

Дипломницу звали Настей, темой ее дипломной работы и стала мини-пекарня с кафе. Настя оказалась невероятно дотошной, въедливой и скрупулезной – качества при ее специальности первейшие. В ее проекте были учтены все СНиПы, требования, использован каждый сантиметр площади. Настя пять раз за свой счет приезжала на стройку, осуществляя архитектурный надзор. Ремонтники боялись этой хрупкой маленькой девушки, которая могла устроить скандал из-за того, что потолочный угол в туалете был не девяносто градусов, а восемьдесят пять, из-за того, что навесные шкафы заезжают на плиточный бордюр, а должны идти встык.

Архитектурно-строительный проект, который создала Настя, дополнялся спецпроектами – систем водоснабжения и канализации, отопления и канализации, вентиляции и кондиционирования, системы электроснабжения, противопожарной безопасности и пожаротушения. Все эти проекты требовалось, во-первых, разработать, во-вторых, утвердить в областных учреждениях. Хитрость заключалась в том, чтобы заказать проекты тем самым людям, которые будут их утверждать. Открытия и постижения подобных хитростей существенно экономили деньги и время. В ходе строительства у чиновников соответствующего профиля подписывались акты освидетельствования скрытых работ – систем отопления, канализации, вентиляции, спринклерного пожаротушения, гидравлических испытаний горячего и холодного водоснабжения и прочие. Документов было море. Арина и Филипп завели множество папок, в которые складывали документы по темам и называли их «наша бюрократия».

В первичном бизнес-плане отдельной статьей расходов значились взятки. Ребята столько наслушались и начитались о чиновничьих поборах, что относились к ним, как к неизбежным тратам. Но они не дали ни одной взятки! Все делали по закону, по правилам. Настя вдолбила, что нормы и СНиПы – это концентрированный опыт профессионалов и специалистов, им надо следовать, не рассуждая. Поэтому придраться в пекарне ни пожарным, ни санитарным врачам было не к чему. Кроме того, сам вид Арины и Филиппа – молодых, дерзких и одновременно напуганных своей смелостью, вызывал сочувствие и желание помочь. Лишь у самых отъявленных взяточников могла подняться рука потребовать с этих юных предпринимателей мзду. Таковые Арине и Филиппу не встретились, только сочувствующие, содействующие, подсказывающие.

Их круг общения невероятно расширился, в его орбиту постоянно попадали новые люди или старые знакомые открывались с неожиданной стороны. Настя привезла художника Леву, с которым до хрипоты спорила об оформлении витрины. Хотелось, чтобы лицо пекарни имело традиционные черты, вроде блюда с аппетитной выпечкой, и в то же время соответствовало молодежному стилю – помеси граффити и дизайна компьютерных игр. Лева сделал больше десятка эскизов, призывал в арбитры Арину, Филиппа и трех их друзей – местную часть команды, активно участвующей в создании пекарни.

Антон, электрик, приятель Филиппа с хлебозавода, монтировал в пекарне все электрооборудование. Антон был молчуном и казался тугодумом, хотя на самом деле имел цепкий ум, творческую жилку и оригинальное чувство юмора.

С Сергеем, продавцом на строительном рынке, Филипп познакомился, когда покупал материалы для черновых работ. Сергей спросил: «Для себя берешь или для хозяина?» Оказывается, «для хозяина» можно было нарисовать счет, превышающий реально уплаченные деньги, чтобы разницу положить в карман. Филиппа, который считал каждую копейку, разозлил подобный шахер-махер, и он высказал все, что думает по этому поводу. Серега не задержался с ответом. Едва до кулаков дело не дошло. Но потом оба вдруг одумались: из-за чего сыр-бор? Им-то лично махинации без надобности. Филипп рассказал про пекарню, Серега проникся. Он был легким на подъем, заводным, азартным. Сергей выбивал для Филиппа стройматериалы по минимальной стоимости, договаривался о доставке за полцены.

Третьим членом команды была Даша, студентка-филолог, школьная подруга Арины. Участие Даши поначалу не имело конкретной выгоды, но девушка вносила в общение сбалансиро-

ванность: мужские горячность и резкость гасились ее природной способностью, видом своим напоминать о бренности бытия. Настя говорила Арине: «Твоя подруга похожа на огнетушитель. Стоит в углу, пользы не приносит, но с ним не забываешь о вероятности пожара».

Столично-провинциальная команда провела много вечеров в горячих спорах под сухое вино и Аринину выпечку, имевшую большой успех.

Провинциальным ребятам поначалу было непривычно участвовать в диспутах на художественные темы, но вино сделало свое дело, и они быстро освоились.

– Надо так, чтобы витрину рассматривали, – говорила Даша и тут же смущалась.

– Правильно! – восклицала Настя. – Глаз за что-то зацепился, ты остановился, рассматриваешь, замечаешь детали, тебе становится интересно...

– Я вам не Модильяни! – давился плюшкой Лева.

– При девушках не выражаться! – напоминал Антон.

– Картинка должна вызывать, – глубокомысленно изрекал Сергей.

– Кого? – спрашивал Филипп.

– Не кого, а что. Аппетит.

– Я против голого натурализма, – возражала Настя.

– Не скажи! – качал головой Сергей. – Вот смотрю на фото обнаженной девушки в журнале. И она вызывает у меня желание... необходимость...

– Принять холодный душ, – подсказывает Антон.

– Можно и так сформулировать. А картинка горы выпечки должна вызвать выделение желудочного сока и неукротимое желание открыть дверь и отведать пирожков.

– Лучше и то и другое, – мечтательно произносит Филипп. – И девушка и пирожки.

– Друзья! – напоминает Арина. – У нас пекарня, а не стриптиз-клуб.

Родители Арины слышат, как на кухне молодежь то спорит до крика, то хохочет оглушительно.

В итоге на витрине появилась яркая картина: за столиком (точная копия столика в кафе) восседают девушка и молодой человек, перед ними блюдо с горой выпечки. Девушка хороша до невозможности – блондинка со струящимися волосами, напоминает какую-то актрису, но с ходу не понять, какую именно. Девушка изогнулась кокетливо, закинула ногу на ногу. У молодого человека вожаденно горят глаза – от вида девушки или от пирогов? Под столиком развалился рыжий кот. Арина была против кота – негигиенично в пищевом заведении. Но Лева нарисовал такого жирного, объевшегося, просто пьяного котяру, что забраковать его было невозможно. Кроме того, девушка носком туфельки щекочет брюхо котика. Опять-таки загадка: возможно, девушка думает, что ласкает молодого человека, ошибочно заигрывает с котом? На заднем плане витрина с ассортиментом – все то, что Арина планировала пустить в производство при открытии. Специально выпекала, фотографировала, отсылала по электронной почте Лева. Мимо витрины было не пройти, хотя бы потому, что ничего подобного в городе не имелось.

Над названием Арина долго не думала – пекарня «Галина». В честь прабабушки, которая привила любовь к хлебопечению и, по сути, обеспечила существование пекарни.

Обсуждением витрины их споры не ограничивались. Идеи сыпались постоянно. «Креативили», как выражались Настя и Лева, а потом это словечко подхватили Филипп, Арина, Сергей, Антон и Даша. Нужно придумать фирменный товарный знак и шлепать его на бумажные пакеты, в которые паковать проданный хлеб. На пластиковые пакеты – клейкий стикер-застежку с логотипом. Отслужившие армию Филипп, Антон и Сергей вспомнили, что в воинской столовой четверг был рыбным днем, а по пятницам давали якобы курицу. Надо вывести регламент – по понедельникам, например, пироги с ягодами, по вторникам – с капустой, по средам – расстегаи и так далее, все – со скидкой. Приучить народ, прикормить. На свадебные караваи цену задрать поднебесную. Во-первых, событие, когда деньги не считают. Во-

вторых, Ариныны свадебные караваи – произведение искусства, которое по определению не может быть дешевым. Но караваю нужна красивая упаковка, не нести же его от пекарни до дома, завернув в простецкую бумагу!

Настя рассказала, как трепетно относятся в Японии к упаковке подарков. Родители Насти были дипломатами и несколько лет работали в Японии. Вы можете презентовать ерунду, но если вы с любовью, выдумкой, изяществом оформили эту ерунду, то ждите восхищения. Молодые люди: Филипп, Сергей, Антон – в другой жизни никогда бы не поверили, что могут спорить до хрипоты о картонных коробках для каких-то караваев.

Общее дело, сплотившее компанию на кухне Арины, имело, конечно, и подводные течения. Сергей и Антон упорно подбивали клинья под Настю и соперничали, как петухи. Даша смертельно влюбилась в Леву, изводила Арину рассказами о своих пламенных чувствах и жалобами на холодность Левы.

Арина и Филипп неожиданно для себя, а Настя и Лева осознанно и целенаправленно ковали предпринимательскую карьеру. Им будущее виделось дорогой вверх, а не по горизонтали. Они знали, чего хотят, и были полны решимости добиваться желаемого.

Сергей, глядя на них, утвердился в решимости открыть свою точку по продаже стройматериалов. Он не боялся кредитов, в отличие от Филиппа. Ну, прогорит. Посадят, что ли? Пусть попробуют. У него есть кореша в Коми-республике, он станет гнать в область пиломатериалы, минуя упырей-посредников.

Антон, поддавшись общему настроению или соперничеству с Сергеем, тиснул в местной газете объявление. Предлагал за разумную плату услуги по монтажу электропроводки и оборудования. Изумился и опешил, когда появились заказчики.

Даша ни о каком бизнесе не мечтала, но заговорила о воспитании чувств. Это, как поняла Арина, вроде тренировки эмоций. Если ты кого-то любишь безответно, то твои чувства закаляются.

Параллельно молодежной группе поддержки существовала еще старшевозрастная. Чего стоило только участие родных, двоюродных тетюшек и дядюшек! У Арины и Филиппа не было средств, чтобы заказать в типографии фирменные пакеты. Тогда, с подачи родителей, открылись в разных концах города кружки «умелые руки»: родне развезли рулоны бумаги, штемпельную краску и печати. Бумагу резали по лекалам пяти размеров, склеивали в пакеты, шлепали печати. К моменту открытия пекарни в кладовой образовались штабеля стратегических запасов фирменной упаковки.

Открывая ИП – индивидуальное предприятие, Арина и Филипп более всего опасались бухгалтерии и всего связанного с ней – отчислений, налогов, в которых не смыслили ни бельмеса, но что могло подвести под монастырь, если не под тюрьму.

– Бухгалтер у нас моя двоюродная сестра Дуся, – сказала мама Филиппа. – Дуся мне не откажет, я у нее свидетельницей на свадьбе была, потому что жениха месяц сторожила и на аркане в загс притащила.

– Дядю Петю? – вытаращил глаза Филипп.

– Его, – кивнула мама. – Еще тот гуляка был. Сейчас уж можно раскрыть. Это он теперь как вареник в сметане катается, а в молодости... Дуська брюхатая, заявление подали, а Петька хвостом крутит, лыжи наострил.

Я его каждый день у проходной встречала и до дома провожала, как пиявка.

– Тайны мадридского двора, – хохотнул Филипп.

– Про тайны никто не знает, и вы не трепитесь. Зажили они справно, теперь уж внуков нянчат.

Тетя Дуся, Евдокия Петровна, главный бухгалтер швейной фабрики, действительно не отказала.

– Пойдем по минималке, – сказала она, – чтобы не двенадцать процентов, а шесть пододходного. Прибыли показывать не будем.

– Но как же мы без прибыли? – спросила Арина.

– Деточка! Твое дело пироги печь, а как прибыль спрятать – моя забота.

– Еще хотелось бы оговорить вашу зарплату.

– На ноги встанете, тогда и поговорим о зарплате.

Не только бухгалтер Евдокия Петровна работала бесплатно. За электрику Антон не взял ни копейки, только за материалы. Сергей жилы рвал, выбивая на строительном рынке выгодные цены для Филиппа.

Настя то ли искренне, то ли маскируясь объясняла свою бескорыстность цинично:

– Вы для меня не способ заработать, а трамплин. Я хочу заниматься промышленным дизайном, малыми предприятиями. Специалистов по интерьерам жилых помещений как собак нерезаных, конкуренция жесточайшая. Мы с Левкой делаем сайт, на котором все этапы обустройства вашей пекарни будут представлены семь на восемь. Поэтому я постоянно снимаю на видео и фотографирую.

Сайт появился в Интернете еще до открытия пекарни. У Левы оказался не только художественный талант, но и беллетристический. Он написал и выложил на сайте рассказ «Как помножить булки с сексом», в котором смешно и с изрядной долей вымысла описал их споры по поводу витрины. В рассказе был назван город, а действующие лица фигурировали под своими реальными именами. Так началась реклама. С витрины сняли покрывало, которое планировали убрать только в первый день работы, и повесили календарь: «До открытия осталось... дней». Три местные газеты прислали корреспондентов. Журналистов Арина заболтала, ее ведь хлебом не корми (смешное выражение по отношению к Арине), только дай рассказать про тесто, дрожжи и чудо рождения выпечки. В итоге Арине предложили вести колонку: раз в неделю публиковать советы, рецепты и рассказы о хлебах мира.

Настя в телефонном разговоре настойчиво твердила:

– Договорись, чтобы подписываться: «Арина Полякова, хозяйка пекарни “Галина”». Черт! Галина, Арина – в рифму и глуповато. Но это будет постоянная и бесплатная реклама!

Арина хорошо говорила, но совершенно не умела писать. Выразить свою мысль на бумаге была для нее мука мученическая. Строчила Даша. Арина наговаривала, Даша записывала и литературно обрабатывала. Визиты в редакцию газеты и тамошние бойкие журналисты отвлекли Дашу от воспитания чувств и страданий по Леве.

Еще до открытия витрины, к которой потекли любопытствующие земляки, случилось событие, которое едва не поставило на прикол азартно начавшееся дело. Арина забеременела.

Филипп пришел домой и обнаружил жену, ревушую в три ручья.

– Такая радость! Такое счастье! – плакала Арина. – Я беременна, у нас будет маленький.

Ребенок перечеркивал все их усилия. Без Арины пекарня не могла существовать, от Арины зависел успех, на нее главная ставка.

Филипп обнял жену и, переживая конфуз эмоций, принялся бестолково утешать.

Аринин папа потом скажет:

– Сидят голубки: дочка в слезах, зять в соплях. Одно слово – бэзсэсмэны.

Так получилось, что в тот вечер родители Арины пришли домой вместе с мамой Филиппа, которая принесла очередную партию бумажных пакетов.

Арина плакала не столько от счастья или от огорчения, сколько от смеси этих чувств – от стыда. Ей было стыдно перед своим ребенком, хоть он сейчас не больше тараканчика и неизвестно, мальчик или девочка. Стыдно, потому что радуется на полную катушку из-за

пекарни, бизнеса, которые пшик в сравнении с новым человеком, их кровиночкой. Однако махнуть рукой на любимое дело и мечту не выходило. А получалось что, только зародившись, бедный ребенок был обделен родительской любовью, и она, Арина, плохая мать.

Переживания Филиппа были точь-в-точь. Он всегда хотел детей и много, какая семья без детей? Но сейчас младенец – нож острый для дела, которое затеяли. На последних сроках Арина не сможет стоять у печей, да Филипп ей и не позволит. А потом малыш родится, надо будет с ним сидеть. На какое время Арина выйдет из строя? На полгода, год, два? Это крах бизнеса, который так и не начался. Прощайте, денежки, усилия, надежды и мечты. С другой стороны, и речи не может идти об аборте. Он, Филипп, своих детей убивать не позволит.

Родители прекрасно поняли настроение Арины и Филиппа, но их состояние горя-радо-сти почему-то вызвало у родителей веселье. Детки скуksились перед нормальной и простой житейской ситуацией. У деток скоро будет своя детка – нашли проблему! Обе мамы с ходу заявили: как Аришка будет на шестом месяце, перейдут в разные смены и по очереди станут помогать в пекарне, а потом, когда маленький родится, так же по очереди будут его нянчить, на два-три кормления, если Аришке надо обязательно в пекарне находиться, можно сцеживаться.

– Что делать? – не понял Филипп.

– Молоко грудное сцеживать про запас, – пояснила его мама.

Филипп с легким испугом уставился на красивую налившуюся грудь жены.

– И кто будет ее сцеживать? – глупо спросил он.

– Уж как придется, – хохотнул папа Арины. – В твоё отсутствие придется дополнительные силы привлекать.

– Да перестань! – махнула на него мама Арины. – Шуточки у тебя! Видишь, парень с лица спал. – И не менее «ясно» уточнила: – Главное, чтобы молоко пришло. Но искусственники тоже хорошо развиваются.

– Какие искусственники?! – вспыхнул Филипп. – У нас все натурально было!

Родители и Арина покатались со смеху. Филипп чувствовал себя глупо, но, глядя на родных, которые не могли остановить хохота, понял, что проблема, казавшаяся роковой и неразрешимой, растворяется на глазах.

Арина, готовясь в потере дееспособности из-за беременности, пригласила на посменную работу в пекарню двух товаров с хлебозавода. Положила честную зарплату – два первых месяца по три тысячи, если дело пойдёт, по пять тысяч. По меркам их города это был немалый приработок. Но ведь нелегко после смены или перед сменой на хлебозаводе шесть часов на ногах проработать. Кроме того, требования чистоты и аккуратности как в больничной операционной, от рецептуры ни на йоту не отступать, за украденную ложку муки – мгновенное увольнение. Последнее условие было не случайным. Обе женщины-кондитеры, ловкие и выносливые как рабочие лошади, были заражены всеобщим вирусом воровства. Их бабушки, мамы, дедушки, папы, соседи, приятели, знакомые на протяжении десятилетий несли с предприятий все, что плохо лежит, тырили нужное-ненужное, что подвернется. Это была система: воровали и директора (в крупных размерах), и сторожи (в мелких) – всегда. Арине и Филиппу, естественно, подобные рефлексы были не нужны. Не потому что жалко – противно!

Искусственные рефлексy в отличие от природных, генетических, оказывается, легко теряются. За время работы в пекарне ни одна из женщин плюшки домой не унесла, не заплатив в кассу. Более того, окунувшись в водоворот молодежного бизнеса, повели себя неожиданно. Увидели столичных Настю и Леву, которые буквально на четвереньках ползали по помещению, спорили до остервенения, украшая каждый квадратный сантиметр. И все – за так, за бесплатно.

Свои, местные, тоже не подкачали. Антон, электрик с их хлебозавода, думали себе на уме – рвач, а он за здорово живешь вкалывает после работы и еще про какие-то цепи слабых токов Филиппу талдычит.

Сергея со строительного рынка привез плитку на ступеньки, скользкую. Как бракованную купил за бесценок, светится от удовольствия.

Даша-студентка ходит за Ариной хвостиком, мешает им к печам принаравливаться, рецепты отрабатывать. Даша в газету пишет за Арину. Теперь Даше секреты теста для блинов требуются, Масленица на носу. Но самое главное – бухгалтерша, седьмая вода на киселе родственница то ли Арине, то ли Филиппу. Женщина их возраста, упакованная с ног до головы, куда можно повесить золото – везде присутствует, от ушей до запястий. Опять-таки бесплатно трудится. Именно ей обе кондитерши заявили:

– Два месяца берем не по три, а по две тысячи, а там посмотрим.

– Но в ведомости распишетесь за три, – предупредила бухгалтерша, качнув большими серьгами, звякнув браслетами и колыхнув гроздьями золотых цепочек на груди.

Арина умилялась:

– Представляешь, – говорила она мужу. – Они сами снизили себе зарплату! Сколько в мире прекрасных людей! Почему они прячут лучшее в себе? Почему самое хорошее в нас зарыто под брюзжанием, негативом и вечным недовольством жизнью?

Филипп не меньше жены был удивлен поступку двух кондитерш, которых он знал как ломовых тружениц, не ведающих усталости в работе, острых на язык, грубых в выражениях и не склонных к сантиментам. Но в последнее время Филипп взял привычку приписывать эмоции жены ее особому состоянию. Это не Арина блажила, а маленькая Галина (сомнений и споров по поводу имени не возникло) под маминым сердцем давала о себе знать.

– Галинка! – погладил Филипп живот Арины. – Хватит бузить. «Под негативом и вечным недовольством жизнью», – повторил он слова жены. – Ты стала выражаться как в своих газетных статьях.

В том, что мир населен не только прекраснодушными людьми, прячущими доброту и бескорыстие, Арине и Филиппу еще предстояло убедиться. Злодеи и мерзавцы существовали не только в телевизионной хронике.

Филипп хотел преподнести жене сюрприз – установил в пекарне камеры видеонаблюдения. Мол, находясь дома (сцезивая!), Аришка будет наблюдать за тем, что происходит в пекарне. Но сюрприз не удался. Арина в штыки восприняла его подарок.

– Я подсматривать ни за кем не буду! Это подло! Не доверять людям, которые трудятся для тебя почти бесплатно!

– Им никто в зарплате не отказывал, – огрызнулся обиженный Филипп, – сами предложили.

– Тем более отвратительно! Они к нам с чистой душой, а мы за ними подглядывать!

– Галинка, сбавь обороты, ты еще маленькая...

– Никакая не Галинка! Это я с тобой разговариваю! Хватит меня раздваивать! И немедленно убери камеры!

– Сейчас! Побежал на ночь глядя. Или можно поужинать? С утра один расстегай проглотил и ни маковой росинки. А расстегай, между прочим, был вчерашний. И рыбка с душком. Целый день живот крутило.

– Рыбка в моем расстеге с душком?! – задохнулась от возмущения Арина.

Они поссорились. Что случалось не так уж редко. Арина и Филипп ссорились с регулярностью, присущей молодым семьям, в которых две личности притираются друг к другу, находя места для вечной спайки и на живую нитку латая участки непримиримых разногласий.

За ужином они помирились, потом снова поссорились из-за видеонаблюдения, до кучи вывалив накопившиеся упреки по другим поводам, которые могли бы увести неизвестно куда,

не приди на помощь любовная тяга друг к другу, не растворись в объятиях, поцелуях и соитии накопившаяся усталость.

Утром Филипп вынес решение, тоном, не подлежащим обсуждению, изрек:

– Камеры уберу, но не сразу.

Арину подмывало спросить: «Не сразу – это когда? Через неделю, месяц, год?» – но она благоразумно промолчала. В семейной жизни, поняла Арина, больших побед без крупных жертв не бывает. А подтолкнув мужа к маленьким уступкам, не торопясь, можно достичь практически любой цели.

Шумиха вокруг пекарни настораживала Арину и пугала. Со всех сторон ей внушали, что реклама – двигатель успеха. Правильно, вроде не поспоришь.

– Но вы поймите, – говорила Арина друзьям, – вкусное пирожное должно быть сладким. А много сахара – это приторно.

– Чрезмерная реклама вызывает раздражение, – подхватывала Даша. – В нас живет знание, что хорошая вещь в славе не нуждается. Мы ненавидим рекламные паузы по телевизору и десятки раз обжигались на том, что, поведясь на расхваленную вещь, покупали откровенную дрянь.

– С точки зрения бизнеса, – размышлял Лева, – не важно, что продавать и какого качества. Главное – продавать много.

– Это с точки зрения подлого бизнеса, – не соглашался Филипп. – Нахапал – и прикрыл лавочку. А мы хотим свое дело передать детям, – он выразительно потыкал пальцем в живот Арины.

Воодушевленная его поддержкой, Арина продолжила:

– Из-за рекламы, а мы в Интернете и в газете, и на витрине, люди будут думать, что у нас какие-то особенные булки, пирожки из манной небесной. А у нас обыкновенные пирожки! Нормальные, съедобные.

– Просто боишься, что твои изделия не понравятся покупателям, – усмехнулась Настя.

– Дрейфит, – кивнул Сергей.

– Что естественно, – буркнул Антон.

Сергей всегда и во всем поддерживал Настю, Антон ей постоянно возражал – оба были в нее влюблены.

– В день открытия здесь может собраться толпа, очередь, – предположила Даша.

– Ажиотаж нам только на руку, – сказал Лева.

– Хуже, если никто не придет, – согласилась Настя. – Пустое кафе, скучающая продавщица у прилавка – это как мольберт, забытый на пляже, тоска.

По большому счету Настя, Лева, Антон, Сергей и Даша свои функции выполнили, и успех бизнеса должен был волновать только Арину и Филиппа. Но за дело переживали все, как за собственное. В то, что народ не придет на открытие пекарни, не верилось, а давка казалась вполне вероятной.

– Первые заскочат, столики займут, – хмурился Филипп. – Усядутся, не прогонишь их. Надо было стоячие места делать, высокие столы, без стульев.

– Ну да! – возмутилась Настя. – Как в совковых пирожковых.

– Сосисочно-сарделечных, – усмехнулся Сергей.

– В которых люди могли быстро и недорого подкрепиться, – напомнил Антон.

– Фастфуд для бедных, – продолжал насмехаться Сергей, поглядывая на Настю в надежде на одобрение.

– Да уж, не миноги с рябчиками для олигархов, – упорствовал Антон, не глядя на девушку.

– Мальчики, не спорьте, – манерно-капризно велела Настя и тут же предложила нормальным тоном: – Нужно придумать какое-нибудь развлечение для стоящих в очереди.

– Можно наварить компота или лимонада, сделать мешок сухариков, – предложила Арина, – и бесплатно угощать тех, кто в очереди.

– Сухарики и напитки будет, например, клоун раздавать, – подал идею Антон.

Лева не согласился:

– Лучше девочка, наряженная плейбоевским зайчиком – черный купальник, ушки, хвостик.

– Я не хочу хвостик, – испуганно проговорила Даша, решив, что именно ее Лева желает видеть вызывающе одетой, вернее – раздетой.

– Динамики на улицу вынести, музыку включить, – внес свою лепту Филипп.

Они были прожектерами, мечтателями, по каждому поводу фонтанировали идеями. Их часто заносило в сторону или ввысь, начав обсуждать проблему очереди при открытии пекарни, дофантазировались до дискотеки под открытым небом.

Мечтателям, строящим воздушные замки, бывает очень больно падать с облаков, разбивать нос о землю, по которой ходят не только прекраснотушные, отзывчивые и добрые люди.

Филипп и Арина наводили порядок в цехе: мыли противни, столы. Только что закончили очередное испытание печи – пирамида ватрушек с творогом отдыхала под льняным полотенцем. Во входную дверь позвонили. Филипп посмотрел на часы: десять вечера. Серега должен заехать за ватрушками завтра утром, сдаст их на реализацию в ларек на строительном рынке по десять рублей за штуку, ватрушек сотня, выручка – тысяча рублей. Продаваться ватрушки будут по двадцать рублей, но тут уж ничего не поделаешь. Арина каждый вечер пробные выпечки делала, хоть малую часть затрат покрыть – уже дело.

Филипп пошел открывать: наверное, Сергей решил сегодня выпечку забрать. Но за стеклянной дверью стояли четверо полицейских. Раньше они милиционерами назывались. Филипп не знал ни одного человека, который переименование одобрил бы, а люди старшего возраста восприняли его пугливо, настороженно. Бабушка рассказывала, что во время войны страшнее немцев из регулярных частей были полицаи – свои, местные, предатели, на сторону фашистов перешедшие. Полицаи были садистами, извергами, не знавшими сострадания и жалости. В то, что смена вывески очистит ряды правоохранителей, никто не верил, о том, что аттестация, по сути, профанация, знали и дети.

Стоящий первым полицай нетерпеливо постукивал дубинкой по стеклу. От нехороших предчувствий Филипп напрягся, но дверь открыл. Чего ему бояться? И с какой стати оказывать неповиновение стражам порядка? Может, им помощь нужна.

Дверь Филипп открыл, но назад отшагнуть не подумал.

Спросил с порога:

– В чем дело?

– Проверка, – бесцеремонно оттолкнул его в сторону старший сержант.

Он был явно главный. Коренастый, с мясистым лицом, воловьей шеей – быкоподобный. Трое младших сержантов напоминали крыс или шакалов – оглядывались по сторонам с желанием что-нибудь схватить, урвать, впиться зубами. Но кроме столиков, пустой витрины в зале ничего не было.

– Что за дела? – повторил Филипп. – Что вам надо?

– Шоколада, – хохотнул старший сержант и двинулся в глубь помещения. Шестерки потянулись за ним, и получилось, что в цех Филипп вошел последним.

– Здравствуй, красотка! – нараспев поздоровался с Ариной полицейский.

Она не сразу его узнала. Когда узнала, ахнула:

– Юрка? Озеров?

– Собственной персоной!

До Арины доходили слухи, что после армии Юрка поступил в милицейскую школу, потом где-то служил, был даже офицером. Но натура взяла свое: то ли до смерти избил, то ли покалечил на допросе подозреваемого, сам попал под следствие. Выходит, выкрутился, теперь у них в городе возник.

– Что ж ты меня не дождалась, красотка? – Озеров улыбался плотноядно и шел на Арину, разведя руки в стороны, намереваясь обнять.

– Грабли убери! – рванул вперед Филипп.

– П-с-с! – Озеров, не оглядываясь, издал звук, которым подзывают собак.

Двое сержантов бросились вперед, схватили Филиппа и заломили ему руки. Озеров медленно развернулся и с оттягом, с размаха врезал Филиппу в солнечное сплетение. Филипп на секунду потерял сознание, обвис на руках озеровских адъютантов. Те бросили его на пол. Филипп быстро пришел в себя, но не мог дышать, хватал ртом воздух, боль была такой чудовищной силы, что, казалось, внутри не осталось ни одного целого органа, только кровавая мешанина.

– Не смей! – закричала Арина.

– А я что? – куражился Озеров. – Я мирный, я добрый, пусть твой козел себя хорошо ведет.

Сержанты обнаружили ватрушки, хватали по одной, надкусывали, бросали на пол и топтали.

– Да ты брюхатая! – Озеров уставился на аккуратный животик Арины, обтянутый трикотажной футболкой. – Но я не брезгливый. Потешимся? Дашь мне, а потом моим пацанам?

Пацаны мерзко заржали. Филипп с трудом встал на четвереньки и пополз к жене.

– Филипп, не надо! – взмолилась Арина.

Озеров насмешливо наблюдал за ее ползущим и падающим мужем. И когда Филипп приблизился, потянулся, чтобы захватить ногу Озерова, тот сильно ударил кованым ботинком Филиппа в лицо. Филипп упал навзничь, изо рта у него потекла кровь.

– Какой непослушный! – прокомментировал один из полицейских.

– Плохой мальчик! – покачал головой другой.

– Плохим мальчикам бывает бо-бо, – добавил третий.

Они подражали главарию. Им нравилась эта игра: быть сильными, наглыми и одновременно изображать святую детскую невинность. На подносе уже не осталось ни одной ватрушки – все были размазаны по полу.

Арина, оцепенев от ужаса, а Озеров с улыбкой и удовольствием наблюдали за тем, как сержанты выворачивают карманы бессильного Филиппа. Вытащили деньги из бумажника, скривились – мало. Бумажник швырнули Филиппу в лицо. Сотовый телефон повертели в руках – дешевая модель. Бросили аппарат на пол и раздавили каблуком.

– Я вас убью! – прошамкал разбитым ртом Филипп.

И заработал три удара по ребрам. Каждый из полицейских «шестерок» отметил, саданув его в грудь. И на каждый удар Филипп отвечал невольным коротким стоном.

– Юрка! Прекрати! – Арина уже поняла, что насиловать ее не будут. Но избивание мужа было непереносимо. – Юрка, ты меня знаешь! – выкрикнула она.

Вряд ли Арина сумела бы объяснить, какое «знаешь» она имела в виду. Да и Озеров не мог испугаться ее угрозы. Этой-то пигалицы! С другой стороны, все школьные годы он, ястреб, нападал на нее, цыпленка. Но ведь не потоптал, не сожрал, не покалечил. По большому счету Арина его победила. И сейчас в ее глазах светилась отчаянная, на грани безумия, решимость.

– Пацаны! – дернул головой в сторону двери Озеров. – На выход!

Его послушались беспрекословно. В цехе остались Озеров, Арина и лежащий на полу избитый Филипп.

– Ах, какая женщина! – покачал головой Озеров, глядя на Арину.

Филипп услышал и беспомощно застонал.

– Молчите! – приказала Арина. – Молчите оба! Юрка, что тебе нужно? Зачем ты пришел?

– Мне надо тебя.

Филипп сделал попытку сдвинуться с места, изо рта у него вырывались булькающие звуки, пенилась кровь. Арина заставила себя не смотреть на мужа, не отводить взгляда от Озерова.

– Врешь! – сказала ему. – Тебе прекрасно известно, что я скорее умру, чем буду с тобой.

С жирного лица Озерова сползла маска дурашливого простачка и обнажилась истинная личина – зверя, дикого хряка, не знающего иного удовольствия, как сожрать кого-либо, чтобы набить брюхо или просто ради удовольствия убивать.

– Не хотите по-хорошему, – ухмыльнулся Озеров, – будет по справедливости. Я вас «крышу», вы мне отстегиваете. На первых порах десять тысяч в месяц, а там посмотрим. Или ваш долбаный бизнес прогорит, в прямом смысле слова. Ясно выражаюсь?

– Ясно, – ответила Арина. – Все? Теперь уходи.

– Наше вам с кисточкой! – попрощался Озеров.

Арина с трудом распрямила пальцы – все это время держала кулаки крепко сжатыми. На ладонях остались глубокие мелкие полумесяцы. «Надо ногти в порядок привести», – подумала Арина. Она всегда стригла ногти коротко, чтобы не мешали с тестом работать. Задеревеневшее тело не хотело слушаться, и первые шаги дались с трудом. И все-таки Арина напугалась меньше, чем можно было ожидать. Не будь она беременной, потеряла бы сознание от ужаса или, напротив, с криками и воплями бросилась бы царапать физиономии обидчикам мужа. Маленький ребеночек внутри будто посылал сигналы: «Вы там, снаружи, большие и сильные, и взрослые. А я беспомощный. Меня надо защищать. Если ты будешь волноваться или закатаешь истерику, я могу умереть или родиться раньше времени, опять-таки умереть. Поэтому думай обо мне, а не об этих больших дяденьках».

Нечто подобное, если не хуже, случилось с Леной, приятельницей Арины. Лена была на седьмом месяце. К ним пришли и засиделись гости, Лена ушла спать, не дожидаясь конца гулянки. Ночью встала в туалет и обнаружила мужа на диване с одной из девиц. Поза была недвусмысленной, у девицы уже юбка была задрана, а у мужа штаны спущены. Лена застыла на секунду, а потом обхватила живот и стала приговаривать; «Мне нельзя волноваться! Я не буду волноваться! Сволочи! Гады! Мне нельзя нервничать, я не буду нервничать!» Пошла в туалет, вернулась в спальню, не переставая твердить: «Не буду волноваться! Пошли все к черту! Не стану нервничать!» Муж пытался извиняться, Лена послала его прочь с глаз и все гипнотизировала себя, самовнушала. Довольно успешно, потому что скоро заснула. Семейная жизнь с гулякой-мужем у Лены не ладилась, но сына она родила здоровенького и крепкого.

На негнущихся ногах Арина подошла к раковине, включила воду, намочила полотенце и только потом присела к мужу, принялась вытирать лицо от крови.

– Все нормально, Филипп, уже все хорошо.

– Что хорошо? – прошамкал Филипп. – Как ты... вы?

– Мы отлично. Лучше, чем у Лены, ведь ты мне не изменял.

– Чего? – дернулся Филипп и тут же застонал от боли.

– Так, к слову, не обращай внимания. Тебе очень больно? Сейчас «скорую» вызову.

– Не надо «скорой». Гадство! Все пропало.

– Ничего не пропало, пока ты, я и наша доченька живы.

До приезда врачей Арина рассказала мужу об Озерове – проклятии ее школьных лет.

– Я его убью, – проскрипел зубами Филипп.

– Стоит ли руки марать о мразь? Убьешь, в тюрьму сядешь, меня и дочку бросишь?

– Все равно убью, – упрямо твердил Филипп.

У него было сломано одно ребро и два треснуто. Выбиты два зуба, половина лица представляла собой сиреневый флюс. В больнице Филиппа накачали обезболивающими, и первая ночь прошла относительно спокойно. Но утром оказалось, что он не может без стога встать, сесть, повернуться, даже дышать было адски больно. В больнице им дали справку – освидетельствование побоев, но Филипп решительно не хотел подавать заявление в полицию. Он не верил, что Озерова с друзьями накажут. «Они там все полицаи, – говорил Филипп, – натуральные полицаи, как бабушка рассказывала, как в войну». Филипп был ослеплен жаждой мести, и даже перспектива потерять бизнес уходила на второй план по сравнению с желанием поквитаться с Озеровым.

Арина всегда знала, что ее муж смелый и храбрый, точнее – подозревала в нем эти качества. Но Арина не могла предположить, насколько вредными и безрассудными в наше время могут быть средневековые понятия о чести. Филиппа оскорбили, его чести нанесен удар – значит, все бросай, обо всех забудь и защищай свое доброе имя.

Родителям сказали, что Филипп поскользнулся и упал с лестницы.

– Этажа три летел, – покачал головой папа Арины, не поверил.

Они шепотом спорили в своей комнате. Арина доказывала, что надо подавать заявление в полицию, Филипп слышать об этом не хотел. Мол, вот он поправится, сам разберется с Озеровым. Арина исчерпала все аргументы, когда Филипп вдруг неожиданно застыл, точно вспомнил о чем-то важном, перестал зло хмуриться.

– Камеры! – воскликнул Филипп.

– Какие еще камеры? – не поняла Арина.

– Я включил камеры на тестирование, хотел тебе сюрприз... Они должны записать!

Филипп попытался вскочить, но прострел зверской боли повалил его на кровать.

– Если на пленке все записано, идем в полицию? – быстро спросила Арина.

– Ладно, – простонал Филипп, – помоги мне встать.

Заявление в полицию они отнесли. Следователь не сказал, что дело неперспективное, но на его лице было написано, что граждане Поляковы напрасно хлопочут. Точно Арина и Филипп обратились не в орган, охраняющий закон, а в камеру забытых вещей, где им не гарантируют, что потерянную ценную вещь найдут и вернут.

Расположение камер видеонаблюдения оказалось исключительно удачным, и на черно-белой немой записи было отлично видно, как топчут ватрушки, как Озеров и его «шестерки» бьют Филиппа и даже, крупно, похотливое рыло Озерова, когда он пытается лапать беременную Арину.

Она не могла допустить, чтобы Филипп из-за уроды Озерова сел в тюрьму. Но Филипп от мести не откажется – ясно как божий день, и тут никакое следствие не поможет. У Арины созрел план.

Филипп выслушал жену и не мог не согласиться, потому что в итоге выходило, что и его желание исполнялось, и ответственности можно было избежать.

– Прикольцо! – оценил Филипп хитроумность жены. – Кто сказал, что беременные женщины тормозят мозгами?

– Тот, кто не видел женщину на сносях, у которой муж под уголовную статью торопится.

Одной из причин, из-за которой открытие пекарни задерживали, была необходимость сдать сессию. В Москву Арина уехала одна, Филипп проводил ее на вокзале. Через три дня он вместе с Антоном и Сергеем отправился карать Озерова. Без помощи друзей было не обойтись, Филипп только-только начал передвигаться без зубного скрежета. Филипп настоял, чтобы Антон и Серега надели черные маски, но свое лицо, на котором громадный фингал из малинового превращался в зелено-желтый, не прятал.

Озерова подстерегли в подъезде его дома. Как ни велика была жажда мести у Филиппа, с ходу ударить человека ему было сложно. Помог сам Озеров.

– О! – удивился он. – Ты чего приперся? Деньги принес? Молодец, послушный мальчик.

– Гад! – прорычал Филипп и замахнулся.

Тут выскочили прятавшиеся у почтовых ящиков Антон и Сергей, схватили сзади полиция. На счастье Озерова Филипп был еще слаб и бить в полную силу не мог. Каждый взмах и удар отдавались кинжальным спазмом в груди. Но эта боль была даже приятной, она напоминала, подстегивала и оправдывала. Филипп остановился, когда вдруг резко запахло фекалиями.

– Обделался! – потянул носом Сергей.

– Доблестный полицейский надристал в штаны, – брезгливо скривился Антон.

– Фу, вонючка! – они бросили хнычущего Озерова на пол.

Филипп думал, что бандиты вроде Озерова, привыкшие к дракам, нечувствительны к боли, бесстрашны. Ничего подобного: те пять минут, что Филипп в четверть силы колотил Озерова, тот ойкал, хныкал, лебезил. И смелости у него оказались полные штаны. Напоследок Антон и Сергей заехали Озерову ногами по лицу. Некрасиво, конечно, лежащего обгадившего человека бить. Но ребят, когда смотрели запись, более всего возмутило, как беспомощного Филиппа били ногами, и их собственные ноги отчаянно чесались в желании отплатить тем же.

Вернувшись домой после расправы, Филипп переоделся и поехал на вокзал, только-только успел к московскому поезду.

Дело о нападении на сотрудника полиции, конечно, завели. Дело казалось плевым – преступник известен. Одновременно стараниями Левы по социальным сетям в Интернете пошла гулять запись избиения Филиппа в цехе пекарни. Отклик вызвала неожиданно широкий, даже по центральному телевидению показали. Поскольку имелась ссылка на сайт Левы, где рассказывалось о строительстве пекарни, то сайт посетило громадное количество пользователей. Филипп потом говорил: «Моя побитая морда способствовала твоей славе».

Филиппа задержали прямо на вокзале, только они с женой вышли из московского поезда. Журналисты, телевизионная шумиха изрядно досадили полицейским, у которых имелась бомба – дело против Филиппа. Но бомба оказалась пустой болванкой. На допросе Филипп выдвинул железное алиби – последние пять дней он находился в столице нашей родины городе Москве, сдавал сессию. Вот билет (Арина уезжала в Москву с двумя билетами, второй, на имя мужа, лежал в сумке). А вот зачетная книжка. В день избиения Озерова Филипп сдал три зачета и два экзамена. Преподаватели могут подтвердить, допрашивайте их на здоровье. Столичные преподаватели, конечно, никогда не признались бы, что за деньги ставили зачеты и «принимали экзамены» у мертвых душ. Зачем преподавателям совать голову в петлю уголовной статьи?

Дело, заведенное на Филиппа, лопнуло как мыльный пузырь, а озеровское, напротив, шло полным ходом. Появились свидетели его прежних преступлений. В свое время они, запуганные и забитые, свои заявления забрали, но теперь требовали возобновления следствия.

Ни у кого из тех, кто был посвящен в план Арины и его блестящую реализацию, не возникло сомнения в этичности случившегося – допустимости обмана, сокрытия преступления. Пока правоохранители сами не выкажут безупречного следования закону и не продемонстрируют настоящей охраны граждан, самосуд останется геройством и подвигом.

Открытие пекарни прошло на ура и надолго не затянулось – к двум часам дня весь ассортимент был сметен с прилавка. И в последующем пекарня часто закрывалась раньше времени, иногда к вечеру оставались пирожки и ватрушки. Тот, кто хотел свежего хлеба, должен был

прийти с утра. Это правило Филипп и Арина подсмотрели в Италии, где нет больших промышленных хлебокомбинатов, а продукция маленьких пекарен должна уйти обязательно сегодня. Вчерашний хлеб итальянцам не нужен, да и стыдно его продавать пекарям. Чем мы хуже итальянцев? Поэтому, рассуждали Арина и Филипп, лучше меньше да свежее, чтобы не влететь в лишние траты и не потерять марку. Без хлеба люди не останутся – его, заводской, всегда можно купить в магазине. В отличие от Италии, где, бывает, после полудня ни чабатты, ни фокаччи с огнем не найти.

Пекарне «Галина» уже три года. Народ ее переименовал и называет «Арина» – такой местный топонимический казус. Часто бывает – зайдет человек в пекарню, спрашивает: «Мне рекомендовали “Арину”, а вы “Галина”, куда идти?» «Никуда, вы на месте», – ему отвечают.

Маленькая Галина, дочь Филиппа и Арины, уже шустро бегают и смешно лопочет. Домашнее прозвище Галинки – Буйка. С пеленок всем лакомствам она предпочитала мамины булки. Стоя в кровати, требовала: «Дай буйку!» Бабушки и дедушки Буйки живы-здоровы. Как водится, любят покритиковать детей, но если случаются у Филиппа и Арины проблемы, рьяно спешат оказать помощь, часто излишнюю и бестолковую. Старикам скучно, когда у молодых нет проблем.

Бизнес Арины и Филиппа относительно успешен, но больших капиталов не накопили, собственной квартиры до сих пор нет. Правда, Арина и не хочет жить в панельном муравейнике, мечтает о собственном доме. У Воронина, конечно, старый прабабушкин участок не выкупить, но можно через несколько лет начать вить свое гнездо в красивом месте.

Даша работает в городской газете. Начав со статей о премудростях пекарского мастерства, якобы Ариной написанных, Даша увлеклась журналистикой, у нее оказалось бойкое перо и нетривиальный взгляд на проблемы. Избавившись от безответной любви к Леве, Даша не менее безответно влюбилась в женатого коллегу по газете. Даше, очевидно, на роду было написано у непокоряемых вершин слезы лить.

Лева подался за границу. Путешествовал по Европе. Где-то подрабатывал, чуть ли не маляром, копил валюту, перебирался из страны в страну. Слал на родину письма, точнее, рассылку – одно и то же послание многим друзьям-приятелям. Филиппу с Ариной в том числе.

Сергей быстро забыл Настю, Антон оказался однолюбом. Перебрался в Москву и упорно исполнял роль Настиного рыцаря, не смущаясь тем, что их социальный статус весьма разнился. Настя набирала вес в профессиональных кругах, становилась модным архитектором-дизайнером, Антон по-прежнему трудился электриком, хоть и на Настиных объектах.

– Вода камень точит, – говорил Филипп.

– Как же! – сокрушалась Арина. – За тысячу лет из щебня гальку делает. У них столько времени нет.

Сергея – бесшабашный, любящий риск – набрал кредитов, скупил половину строительного рынка и по всем статьям должен был прогореть, но почему-то не прогорал в самый жесточайший экономический кризис. По мнению Филиппа и Арины, он был везунчиком, баловнем судьбы. И все-таки следовало держать в голове, что не сегодня-завтра Серегу придется вырывать финансово, отдать за его долги свое накопленное. Арина и Филипп были к этому готовы.

Они редко переписываются и перезваниваются, давно не виделись. Последний раз – на крестинах Галинки. Их разнесло в стороны – в новое общение, другие заботы, увлечения, к новым приятелям. Однако чувство сопричастности к судьбе друг друга, возникшее тысячу лет назад, когда придумывали и обустроивали пекарню, осталось. Наверное, навсегда. На то и дружба.

ТАТЬЯНИН ДОМ

Роман

Глава 1

Борис Кротов обещал сестре, что навестит ее в субботу. Люба с мужем, художником Васей, зимовала в глухой владимирской деревушке. После лечения у нарколога Вася скрывался от дружков-алкоголиков и ждал прихода творческого вдохновения. Вдохновение запаздывало, а деньги кончались. Люба сообщила по телефону, что у них осталось полмешка картошки, три хвостика моркови и один кочан капусты. Она не просила помощи у брата, но ее «представляешь?» говорили сами за себя. Представляешь, у нас кончаются дрова? Представляешь, я соседке продала свою дубленку? Представляешь, я уже две недели не видела кружочка колбаски?

Как все деликатные люди, сестричка умела создавать проблемы. Всполюшила маму. В разговоре с ней загробным голосом твердила: «У нас все замечательно. Мы хорошо питаемся. Мы, наверное, станем вегетарианцами». Василий – вегетарианец! Да он скорее с желудком расстанется, чем от мяса откажется. Мама решила, что дочь и зять на пороге голодной смерти.

Борису пришлось расстаться с мечтами о беззаботном отдыхе: выспаться, поваляться на диване с детективом, погулять с дочерью в Измайлове, посмотреть за ужином фильм из видеопроката. Вместо этого – рынок, магазины, зимняя дорога. Крупные хлопья снега падают, словно дырявую перину кто-то наверху трясет.

Он ехал по Ярославскому шоссе и мысленно отчитывал сестру: «Ты могла позвонить неделю назад, когда стояла хорошая погода? Ты могла наведаться в Москву, взять у меня деньги, закупить продукты, и я бы отвез тебя в деревню? Нет! Тебе нужно заставить брата таскаться по рынкам и потом ехать неизвестно куда в сплошном снегопаде!»

Вряд ли он бросит ей эти упреки в лицо. Люба расстроится до слез и в следующий раз позовет на помощь только стоя одной ногой в могиле. Однажды подобное уже было. Почти двадцать лет назад, когда он после армии поступал в университет. Сколько ей было – десять, двенадцать? Последний экзамен, напряжение страшное, мама поехала с ним, ждала в толпе очумевших родителей. Вернулись домой, а Любаша бледнее мела, и глаза закатываются. Оказалось, что у нее уже сутки приступ аппендицита, а она терпела, боялась братику помешать. В больнице еле откачали, три часа операция длилась, на тощем животе шрам остался как от харакири.

Любаша не помнила отца. Он умер, когда ей было пять лет, а брату пятнадцать. С тех пор и до женитьбы она держала Бориса на коротком поводке: он нянчил ее в младенчестве, приводил из детского сада, отводил в школу, колошматил ее дружков-подростков, вытирал ей сопли-слюни в юности, писал курсовые работы в институте и играл роль сдаваемого в аренду старшего брата для ее подружек, лишенных собственных родственников мужского пола. Из армии писал сестричке длинные нудные письма про смысл жизни, а в конце просил внимательно переходить улицу.

Его педагогические усилия не пропали даром. Под машину Любаша не попала и выросла симпатичным человечком: с легкой придурью, но без подлости, с непомерными восторгami и отчаяниями, но без актерства. Он не променял бы ее на десяток других, самых совершенных родственников. И хорошо, что Тоська, его дочь, пошла не в мать, не в отца, а в свою чикчи-рикнутую тетушку.

* * *

За Торбеевым озером на развилке он сверился с записью маршрута, который продиктовала сестра. Сейчас направо, поворот на Нижний Новгород. Далее прямо – до указателя «Площево». «Дворники» разгоняли снег на лобовом стекле в максимальном режиме, но только прочищали амбразуру в сугробе, налипшем на стекло. Борис внимательно всматривался в белый туннель. Не видно ни леса вдоль дороги, ни перекрестков – только хаотичное кружение снежных хлопьев.

Борис проехал уже двадцать пять километров, а нужного указателя все не было. Конечно, Любаша могла ошибиться. Расстояние, как и время, было для нее понятием относительным. Борис понизил скорость, теперь он еле полз, боясь пропустить указатель. Наконец увидел придорожный столб с табличкой. Прочитать невозможно – снег залепил. Борис остановился, вышел из машины. До столба три метра, и сугробы выше колена. Он чертыхнулся и, широко шагая, стал пробираться к нему. Расчистил перчаткой табличку – «Жулебино».

Вернулся в машину, открыл карту Московской области – так и есть, проехал поворот на Площево. Надо разворачиваться. Опасный маневр при плохой видимости и узкой дороге – того и гляди, кто-то в тебя въедет.

Черепашьим ходом он добрался до поворота, указателя не было, но деревня, кажется, виднелась. Через несколько минут он въехал на деревенскую улицу. Большинство домов засыпаны снегом по окна. Ни огонька, ни дыма из труб. Неожиданно прямо перед собой Борис увидел на обочине человеческий силуэт, открыл окно:

– Добрый день! Это Площево?

Силуэт, в телогрейке, ватных штанах, валенках, шапке-ушанке – половая принадлежность не определялась, – что-то ответил, но из-за вьюги Борис не расслышал ни слова. Он вышел из машины и повторил вопрос.

– Площево, – кивнул то ли дед, то ли бабка. – А тебе куда надо?

– В Перематкино. По этой дороге я до Дворицов доеду? А там налево, верно?

– Оно, конечно, верно, только от Дворицов дорогу не чистят, – последовал ответ.

По тембру голоса Борис определил, что перед ним женщина.

– Не чистят? – глупо переспросил он.

Конечно, разве Любаше могло прийти в голову поинтересоваться, можно ли проехать в их деревню. Она думала, что брат на вертолете с запасами колбасы и тушенки прилетит. Или асфальт поверх снега проложит.

– Надо брать на Лизуново, – сказала дама в зимнем тюремном наряде, – потом на Гидеево, через Молокчу новый мост сделали, и затем на Перематкино. Там особняки выстроили, Федька Ексель-Моксель им дорогу чистит. Проедешь. А на Дворицы не бери. Еще можно через военную часть, но круг большой делать, и Жуклино не проскочишь, там две бабки живут, тропинки и те прочистить не могут.

– Погодите, – остановил ее Борис, – давайте заново. Значит, еду прямо до...

– Лизунова, там увидишь, только направо, то есть, – женщина покрутилась на месте и определила, где у нее будет право и лево, – вот сюда не сворачивай. А дальше на развилке в Гидеево лучше спроси, там Зинка Кривая зимует, дом с красной крышей. Взяли моду шифер красить, ее сынок постарался. А дальше через речку рукой подать. После моста на горку въедешь и держись леса, он до Перематкина тянется. У тебя закурить не найдется? Поизрасходовался я на курево.

Это был мужчина! Борис всмотрелся в сизый от мороза треугольник лица, обрамленный ушанкой. Конечно мужик, щетина пробивается. Просто голос у него визгливый, женский. Хорошо хоть бабулей его не назвал. Борис поблагодарил, достал из бардачка пачку сигарет и

отдал мужику. Маршрут он представлял себе смутно. Но в третий раз попытаться выяснить дорогу не решился.

Борис колесил по сельским дорогам четвертый час, заезжал в пустые заснеженные деревни, катил вдоль мертвых домов, выезжал на дороги, по которым не было хода, поворачивал назад. Дважды машина буксовала, приходилось откапывать колеса. Он промок насквозь, вода хлюпала в ботинках, противно липли к телу брюки. На улице Борис мгновенно замерзал и, даже работая лопатой, не мог согреться. В теплом салоне несколько минут дрожал от холода и мысли, что, если съедет на обочину – все, без трактора не выбраться.

Метель не утихала, радио бодрыми дикторскими голосами сообщало о месячной норме осадков, упавших с неба. Быстро смеркалось, фары пробивали снежную завесу лишь на три метра. В довершение всех бед кончился бензин. Борис рассчитывал проехать обещанные двести километров, бак был заполнен на две трети. То ли счетчик барахлил, то ли расход топлива при медленной езде увеличился, но красная лампочка на панельной доске светила дьявольским глазом.

Борис уже давно повернул назад, в Москву. Вернее, принял решение ехать обратно, но двигался наугад, куда дорога выведет. Карта бесполезна – у деревень не было указателей, а по большинству дорог не проедешь.

Он уже не костерил сестру, а ругал себя. Надо было заправиться, а не искать в трех магазинах яичный шампунь от перхоти. Послушать прогноз погоды и сидеть дома. Давно пора купить сотовый телефон. Впрочем, куда по нему позвонишь? Приезжайте, вытащите меня неизвестно откуда, из Московской или Владимирской области. Или уже из Нижегородской? Он выключил радио, которое раздражало голосами и музыкой, несущимися из тепла, света и цивилизации. Потом снова включил – под завывания вьюги тащиться ночью сквозь снежную перину было совсем тошно.

Вспомнил примеры из классической русской литературы – сбившиеся с пути, замерзающие в метель герои. У Куприна есть рассказ «Мелюзга» о зимующих в глухой деревне фельдшере и учителе. Дома с сугробами на крышах. Волки забираются ночами в деревню и таскают собак. Героям кажется, что зима никогда не прекращалась и не прекратится, что другой жизни, с газетами, умными книгами, музыкой, женскими улыбками, и не существует. Они пьянствуют, развратничают с тупыми деревенскими бабами, опускаются до мелочных обид и жгучей ненависти.

С тех пор климат наш не изменился, и о метелях по-прежнему лучше читать у домашнего очага. «Чтобы жить здесь, в сплошном снежном болоте, нужно быть либо духовно неразвитым, либо сверхразвитым – таким самодостаточным философом», – думал Борис. Любаша и Василий ни к той, ни к другой категории не относились. И поселиться зимой в деревне – идея бредовая.

Стараясь не поддаваться панике, Борис медленно полз вперед, за каждым поворотом надеясь увидеть огни большой магистрали. Но никаких магистралей – только снег, ветер, черная мгла. Вдруг придется заночевать в машине? Мотор нельзя выключать, иначе перестанет работать печка. Удастся ли потом открыть дверь? Периодически выскакивать и откапывать ее? Развести костер? Бросить в него все, что горит. Утром в качестве знака бедствия зажечь запасное колесо. Забраться в какой-нибудь дом, подобно дачным ворам и бомжам?

Он представил, как рассказывает о своих приключениях дочери. Глаза Тоси возбужденно сверкают, и она сыплет вопросами:

– А ты испугался? И было темно-темно? А волки были? А если бы тебе в туалет очень захотелось? Почему ты меня с собой не взял? Ой как жалко!

– И когда я почувствовал, вернее, потерял чувствительность рук и ног, я решился на преступление, – слегка привирает Борис и выдерживает эффектную паузу.

Тоська в страхе разевает рот. Пряча ухмылку, он продолжает:

– Нет, я никого не убил. Но вторгся в чужой дом. Из последних сил сорвал замок на двери и, теряя сознание, упал в коридор. Когда я очнулся в крошечной темноте, холодной и скользкой, как смола, услышал странное шуршание. Чиркнул спичкой – из углов на меня смотрели полчища голодных крыс.

– А дальше? – нетерпеливо требует Тося.

– Ну что дальше? Голыми руками задушил всех крыс. Приготовил их себе на ужин. Сидел у телевизора, курил и смотрел футбол.

– Это все неправда! – наконец сообщает Тося. – Ты меня дурачил! На самом деле ты просто переночевал там, а потом оставил хозяевам записку и деньги! Ты меня разыгрываешь!

– Обожаю тебя разыгрывать. – Борис вслух подвел итог в мысленном диалоге с дочерью.

Антонине, Тосе, месяц назад исполнилось двенадцать лет, но для Бориса она всегда была в одном возрасте – умилительно и энергично детском, потому что чувство к ней не менялось с годами. Вернее, не менялось то, что дочь дарила ему, – энергия человечка, привязанного к тебе с восхищением наивного собственника. Жена Галина считала, что он балует дочь. Борис и не спорил – он был готов баловать Тоську всю оставшуюся жизнь. Летом дочь гостила месяц у бабушки, его тещи, в Воронеже. На вокзале, когда встречали Тосю, он ахнул – как вымахала. Но уже через несколько минут от внешней взрослости и следа не осталось, она снова превратилась в щебечущего по-птичьи, угловатого олененка-козленка. Появившаяся вдруг девичья стыдливость – папа, ты мужчина, выйди, я переоденусь – Бориса веселила, как все ее игры во взрослую барышню. Еще в детсадовском возрасте Тося любила нацепить мамины туфли и юбку, взбить волосы, накрасить губы и фланировать с гордым видом по квартире. Каблуки грохотали по паркету, она наступала на подол, падала и в досаде размазывала помаду по щекам. Борис хохотал, Галина возмущалась, а Тоська грозила им – вот погодите, я вырасту. Но не росла, физически, конечно, развивалась, но для него оставалась все тем же существом, непостижимым образом сочетающим теплоту парного молока и колючесть Буратино.

Мысли о дочери отвлекли Бориса, и, увидев неожиданно вынырнувшую из темноты арочную конструкцию, он резко нажал на тормоза. Машину занесло, но она удержалась в колее. Похоже на навес над мостом – такие делают, чтобы по мосту не ездили большие грузовики. Значит, внизу река. Сильных холодов не было, лед не прочный. Чуть в сторону – и съедешь в реку, уйдешь на дно. Разворачиваться? Или рискнуть? Позади две пустые деревни, впереди, возможно, есть люди. У людей, возможно, есть бензин или хотя бы внятное объяснение, как выбраться из этой глухомани.

Борис медленно тронулся с места, проехал по мосту. Дорога ушла влево и стала подниматься на гору. «Жигули» ползли исключительно его молитвами. Въехав в поселок, он облегченно вздохнул – сразу два огонька. Один вдалеке маленький, мерцающий, к нему надо двигаться направо. Другой более яркий и расположен так высоко, что кажется звездой, к нему налево.

Снег по-прежнему сыпал, но воющего ветра уже не было. Неожиданно стихнувшая метель и огоньки на полюсах видимого пространства напомнили Борису те минуты в театре, когда после секундной темноты раздвигается занавес. Пьеса еще не началась, глаза выхватывают на сцене только отдельные детали, и ты замираешь в предвкушении действия.

Какое к лешему «действие»? Кто может жить зимой в этом медвежьем углу? Брошенные старики, спившиеся колхозники-совхозники. Самогон, может, у них и есть, но им машину не заправишь. Борис повернул налево. Проехал меньше километра, забуксовал, и тут же кончился бензин, мотор заглох.

Кротов вышел из машины, закрыл двери на ключ и двинулся к освещенному дому.

У кованой калитки он остановился, отдышался. Большущий дом, в окнах двух верхних этажей ярко горит свет, а на первом – полумрак и маленькие огоньки, похоже от свечей. Вовсе не жилище обнищавших крестьян. Скорее – графская обитель. В такую метель у камина, с

рюмочкой бренди, под тихую музыку – красота. Будем надеяться, что фамилия у хозяина не Дракула, он не прижимист и нальет заблудившемуся путнику стаканчик для обогрева.

Борис открыл щеколду на калитке, шагнул вперед и тут же, оглушенный и ослепленный, свалился на колени. Мощные прожекторы, дикий вой сирены, и он стоит на четвереньках, трясет головой, пытаясь прийти в себя.

Светопреставление продолжалось несколько секунд, но показалось часом. Прожекторы погасли, вой сирены внезапно прекратился, потух свет в верхних этажах дома. Зрение и слух медленно восстанавливались, а когда окончательно вернулись, Борис заметил на крыльце жуткую фигуру. Старуха, ведьма! В черном балахоне, нечесанные волосы торчат во все стороны, а в руках держит... точно, двустволку.

– Все спокойно, не волнуйтесь. – Продолжая стоять на коленях, Борис скрестил на груди руки. – Я вам не причиню вреда. Я заблудился. Хотел бы купить бензин, если есть, и спросить дорогу до Москвы.

– Вас привело сюда провидение, – сказала старуха. – Можете подняться. – Она слегка качнула вверх ружьем.

У нее был удивительно молодой голос. Очевидно, местная особенность – старики и старухи говорят здесь голосами скопцов. Борис медленно встал с колен, не отнимая рук от груди.

– Вы не могли бы убрать ружье? – ласково спросил он.

– Не могла бы. Оно такое приятно тяжеленькое. И очень хочется на курок нажать. Оно, к сожалению, заряжено. Для вас, к сожалению, а мне пультнуть хочется. Но вы мне нужны.

– Да, да, главное, не волнуйтесь.

Борис сделал несколько шагов вперед, прикидывая, как вырвать у старой карги ружье. И тут она понесла такое, что он замер в изумлении:

– Вы мне нужны для похорон. Надо придать моих девочек земле. Их пятеро: Виолетта, Генриетта, Изабелла, Гарсиелла и Просто Мария. Они умерли. От любви. – Старуха мерзко всхлипнула. – Хорошо бы всех самцов перестрелять. Вы самец?

– Ни в коем случае, – пробормотал Борис. Сумасшедшая. Что это за место? Куда он попал? Есть ли здесь еще люди? О да.

– Петровна! – раздался крик с улицы.

Старуха проворно сбежала с крыльца, тычком ружья заставила Бориса развернуться и оставила дуло воткнутым под его лопатку. К калитке на лыжах подъехал мужичок.

– Петровна, ексель-моксель, я твоему сыну говорил, что эта сигнализация, ексель-моксель, нам весь свет вырубит. Так и случилось. А если предохранители, ексель-моксель, полетели?

– Завтра разберемся, Федорович, – проворковала карга. – А ко мне знакомый приехал погостить.

– Так я вижу, ексель-моксель, машина застряла, снегу навалило, теперь трактором вытаскивать.

Только Борис собрался намекнуть, что ему нужна помощь, чтобы избавиться от чокнутой старухи, как Федорович сам выдал несусветное:

– Петровна, девочки-то твои сдохли? – Старик хохотнул. – Мой Васька их доконал?

– Да, Федорович. Он настоящий сексуальный маньяк. Завтра я его лично зарезу.

– Пожалей мужика! А девочек мне отдай, я их собакам скормлю.

Борис судорожно сглотнул. Происходящее все больше напоминало фильм ужасов. Деревня извращенцев. Снега, сугробы, особняки, ружье в спину, горы трупов, свихнувшиеся старики.

– Нет, они будут похоронены, – возразила старуха. – Жалко, без музыки: я уже кассету Моцарта поставила, а света нет. И могильщик вот у меня есть. Правда?

Борис получил очередной тычок в спину.

– Э-э-э, – протянул он. – Не могу похвастаться, что большой в этом деле специалист.

– Без музыки любой дурак сумеет, – рассмеялся Федорович. – Ну, бывайте, – он развернул лыжи, – завтра я тракторишко подгоню, вытащим, ексель-моксель, машину. Или, может, не торопиться? – Борису послышался заговорщицкий смешок. – Вы, ексель-моксель, погодите, если понравится? – снова хохотнул.

У Бориса прокатил по спине волна озноба. Более всего он желал убраться отсюда. Немедленно – пешком, на четвереньках, ползком, как крот, зарываясь в сугробы, – только убраться.

– Я был бы вам признателен... – Борис не договорил, получив болезненный удар дулом ружья.

– До свидания, Федор Федорович! – попрощалась старуха. – Спасибо вам!

В ее голосе была ласковость палача, который, поигрывая кнутом, просит посторонних удалиться: «Вы идите, а нам тут побеседовать нужно».

Если бы старая бандерша держала в руках кнут, Борис в два счета с ней бы справился. Показал дряхлой ведьме, как нападать на людей, – месяц бы стоя мочилась. Но заряженная двустволка, приставленная к спине, не прутик и даже не нож.

Маньяк Федор Федорович укатил, а Бориса, подталкивая ружьем, погнали в дом.

– Послушайте. – Борис оглядывался через плечо и пытался смягчить или хотя бы понять свою участь. – Давайте поговорим спокойно.

– Нет, я же знаю. Вы хотите забрать у меня духдх-двухстволку. А я хочу из нее стрельнуть. Не злите меня, а то я не стра... не скра... не справлюсь со своими желаниями.

Она еще и пьяна! Язык заплетается, спиртным от нее несет. Необходимо срочно избавиться от старухи. Выпасть из зоны обстрела.

Они поднялись по ступенькам крыльца, вошли в темный дом. Борис резко упал на пол и откатился в сторону. Далеко откатиться не удалось. Два поворота, и Борис врезался в стену. Тут же ему в ухо уткнулся холодный ствол.

– Ну почему вы себя так отвратительно ведете? – раздраженно прошипела баба-яга. – Все-таки, наверное, самец! Сейчас как пульну! Будете потом свои внутренности собирать. Нет, вы не будете. Тогда я, что ли? Не дождетесь! Как будто трудно девочек похоронить! Если бы вы знали, какие они хорошенькие были, совсем молоденькие. Виолетта блондиночка, Генриетта рыженькая, Изабелла дружила с Просто Марией...

Лежа на полу, слушая пьяный бред о покойницах, отворачивая лицо от елозящего по нему дула, Борис приготовился к атаке. Но только он пристроил руки, чтобы быстро схватиться за ствол и рвануть его резко в сторону и вверх, как старуха убрала ружье.

– Вставайте! Развалился здесь. Падший какой-то. Вставайте, пошли. И без фокусов, если сделаете все, как надо, останетесь в живых. Я правильно сказала? Есть какая-то фраза... Делай, что я говорю, и будешь жить. Нет, по-другому. Жить или не жить... Это из другой оперы. Самец, ты меня понял?

Дуло ружья вновь было приставлено к его спине.

– Отчетливо понял, – сказал Борис, поднимаясь. – Я буду вести себя хорошо, а вы не станете в меня пулять. Свою половую принадлежность, к сожалению, я мгновенно изменить не могу. Но она не должна вас пугать. Может быть, мы познакомимся? Меня зовут...

Он с ходу врезался в стену.

– Дверь открой, – приказала старуха, – идиот, а туда же – с половой принадлежностью.

Они вошли в комнату, размеры которой не угадывались в темноте. На низком столике горели свечи в подсвечнике, но они освещали только бутылки и тарелки на столике.

– Направо, – командовала старуха, – осторожно, ступеньки. Здесь стоять. Не дергаться!

Не убирая ружья от его спины, она выдвинула какой-то ящик, зашуршала полиэтиленом. На плечо Бориса что-то легло.

– Возьмите, – сказала ведьма.

Резиновые перчатки, большой пакет для мусора.

– Вперед! – Она подтолкнула его к выходу. Они вышли на улицу через другую дверь, и конвоириша погнала Бориса к сараю: – Вот тут они лежат! Мои девочки! Открывайте дверь!

Борис подчинился. Он двигался как в дурном сне – медленно, обреченно и с тайной заинтересованностью: что будет дальше? Вспыхнул луч фонаря, который держала старуха. Солома, клетки, насесты, запах курятника. Так и есть, на шесте сидит нахохлившийся петух.

– Убийца проклятый! – обозвала его старуха. – Девочки на полу. Наденьте перчатки. Кладите их в мешок. Изабелла, Генриетта, – перечисляла старуха и шмыгала носом.

Борис с трудом унял нервный смех. Дохлые куры! Никаких кровавых преступлений, маньяков и серийных убийц. Нормальная шизофрения.

Сложив птиц в мешок, он спросил почти весело:

– И что дальше?

– Будем хоронить. Лопата и лом на улице. Я покажу где.

С лопатой и ломом в руках Борис почти совсем успокоился. Неожиданно присев, резко развернуться и ломом выбить ружье у старухи – дело нехитрое. А если старой карге заодно достанется по черепу, так она этого вполне заслужила. Но сначала он решил предпринять еще одну попытку мирных переговоров.

– Бабуся, – сказал Борис, – закопаю я ваших девочек, не беспокойтесь. Но ружье от моей спины вы лучше уберите. Руки, наверное, у вас уже устали его держать. Не ровен час пульнете.

– Вот здесь, – старуха осталась глуха к дипломатическим соглашениям, – разгребайте снег, копайте.

Облегчение, которое он испытал, поняв, что не придется хоронить трупы изнасилованных девушек, избавило Бориса и от нервного страха быть застреленным сумасшедшей бабкой. «Черт с ней, – решил он, – не буду драться с умалишенной». Он отбросил снег лопатой, несколько раз ударил по замерзшей земле ломом. Откололись небольшие кусочки.

– Бабуля, – оглянулся Борис, – мне тут до утра могилку курочкам копать.

Он выразительно покачал ломом, как бы взвешивая его перед метанием.

– Ладно, – смиловилась старуха, – зарывайте в снег.

Борис бросил мешок на расчищенный участок и стал забрасывать его снегом. Закончив возведение куриного пантеона, он повернулся: фонарик воткнут между ветками дерева, а старухи след простыл. Борис чертыхнулся, взял фонарик и, освещая им тропинку, пошел к дому.

В приоткрытую дверь он вошел в тамбур, миновал коридорчик и оказался в комнате со свечами.

– Бабуля! – позвал он. – Как насчет того, чтобы поднести рюмочку похоронной команде? Старуха не показывалась, но откуда-то из темноты раздался ее голос:

– На столе выпивка и закуска. Пижама на диване. Спать на втором этаже. В любой комнате. Свечи не забудьте погасить, куриный могильщик.

Ведьма, она еще и обзывается! Напрасно он все-таки не заехал ей ломом. И похоронил бы заодно с Генриеттой и Изабеллой.

Борис подошел к столу, осмотрел бутылки. Богато живут – коньяк, джин, ликеры. Он так вымотался, что даже есть не хотел и равнодушно отодвинул тарелки с ветчиной, овощами, сыром. Налил себе почти полный стакан коньяку и выпил залпом. Согрелся, правда, только изнутри. Что ему еще предлагали? Пижаму. Вот она, фланелевая, мягкая.

В доме тишина. Похоже, что, кроме придурочной курятницы, здесь никого нет. Машина завалена снегом, бак для бензина пуст. Дорогу на Москву он не знает. Он отчаянно замерз, промок до трусов, устал от ползания по зимним селам и чудачеств местных обитателей. Нечего сказать, выходные удались. Может ли он сейчас предпринять какие-либо действия? Может. Завалиться спать.

Борис взял пижаму, потушил свечи, включил фонарик, обнаружил лестницу и двинулся по ней. На втором этаже открыл первую попавшуюся дверь. Кровать с подушками и периной имеется. Отлично. Он сбросил мокрую одежду на пол, натянул пижаму. Коньяк уже слегка ударил в голову. Забравшись под одеяло, подумал, что нелишним было бы забаррикадировать дверь. «Минутку отдохну и встану». Через секунду он крепко спал.

* * *

Утром, едва открыв глаза, Борис обнаружил, что наваждения продолжают. Теперь это были зрительные галлюцинации. Прямо на него смотрело солнце – каким его рисуют дети. Желтое, яркое, с глазищами, улыбкой от уха до уха и ореолом лучей вокруг. Борис зажмурился и сосчитал до десяти. Чуть приоткрыл один глаз – солнце по-прежнему улыбалось. Борис широко распахнул глаза и присмотрелся. Это не видение! Это витраж во всю стену-окно! Комната имела форму трапециевидного параллелепипеда, вроде молотка, и большая наклонная стена представляла собой веселый витраж. Солнышко, птички-зайчики, листочки-цветочки. Славная картинка, но предупреждать надо, чтобы человека до инфаркта не довести. Жизнерадостный эффект от витража усиливался оттого, что комната выходила на восток и нормальное живое солнце светило прямо в своего двойника. Где это солнце вчера было?

Борис откинул одеяло и спустил ноги на пушистый ковер. Куча его мокрой одежды пропала. На полу стояли только чужие мужские тапочки. А на нем пижама в арестантскую полосочку.

– Очень мило, – буркнул он. – Теперь меня решили и раздеть по случаю.

Бабусе потребовалась еще какая-нибудь страшная работа. Гоняйся теперь по дому за ней, выкручивай руки, чтобы забрать свои штаны. И документы, между прочим.

Борис надел тапочки и вышел из комнаты. Он оказался в небольшом холле, в котором увидел шесть дверей. Он стал открывать их по очереди. Спальня, еще спальня, кабинетик, туалет с душевой кабиной. Вовремя встретился. Последняя дверь вела в зимний сад, который представлял собой веранду, застекленную с трех сторон и залитую светом предательского солнца. Кадки с растениями, полки с цветочными горшками, журчащий фонтанчик, обложенный крупными камнями и галькой. Этажерки с длинными ящиками для рассады. Кое-где уже пробились тоненькие зеленые побеги. Борис подошел ближе и прочитал табличку на одном из ящиков: «Гелихризум», на другом: «Лобулярия».

– Гелихризум вашу лобулярию! – проговорил он как ругательство.

Одна из дверей закрыта на ключ, торчащий с внешней стороны. Борис повернул его – вновь небольшой холл и лестница на третий этаж. «Мне туда не надо, вряд ли старуха спряталась наверху и для маскировки оставила ключ в двери», – подумал он.

Борис спустился вниз и присвистнул, рассматривая помещение. Он еще вчера понял, что живут здесь люди небедные, а старуха у них вроде сторожа-надсмотрщика. Но владельцы коттеджа еще и обладали недюжей фантазией или обратились к талантливому дизайнеру. По сути, весь первый этаж представлял собой единое помещение примерно в сто с лишним квадратных метров, и в то же время в нем было несколько разных комнат и секций, со стеллажами и мебелью. Потолок разноуровневый, в одном месте со стеклянной крышей. Поток солнечного света лился широким столбом в маленькую гостиную с плетеной из лозы мебелью. Столик между диванами – похоже, тот самый, на котором вчера был накрыт интимный ужин алкоголички. Теперь от пиршества и след простыл. В дальнем отсеке, затемненном, с низким каменным потолком, находился камин, на его полочке куча безделушек. Кресла у очага уже другого стиля – вольтеровские. За выгородкой из гладкого черного дерева библиотека – книги не на стеллажах, а в красивых шкафах, украшенных резьбой. Книг много, но рассматривать их было недосуг.

Он невольно потрогал дерево, вокруг которого вилась лестница, идущая на второй этаж. Вначале Борис решил, что оно мраморное, но, проведя по нему рукой, убедился – натуральное. Кто-то с невероятной тщательностью снял кору со всех ветвей кроны, отшлифовал каждый сучок. И теперь эта махина, устремившись вверх, наподобие атланта, держала потолок.

– Ау! – позвал Борис. – Мамаша, где вы? Отдайте штаны!

Старуха не отозвалась, Борис продолжил обследование помещения.

Несколько ступенек вниз – на них он едва не навернулся вчера в темноте, – и он попал на кухню. Современный мебельный блеск дубового шпона, граммофон вытяжной трубы из нержавеющей стали над плитой. От столовой кухню отделяла длинная стойка бара с подсвеченным навесом, на котором ножками вверх бежали ряды фужеров.

Между кухней и гостинными Борис увидел две двери. Толкнул одну, слегка повеяло холодом, он прошел через тамбур и оказался на летней веранде, из нее, очевидно, они и выходили на улицу для похоронных мероприятий. Борис поежился от холода и вернулся в дом. Ни звука, ни шороха – как в заколдованном замке. Не преставилась ли старушка? Отправилась вслед за своими курочками и валяется где-нибудь. Где?

Борис открыл последнюю необследованную дверь. Маленький коридор привел его в большой. Три двери – две в торцах, одна прямо напротив Бориса. Сколько он уже дверей открыл за эту экскурсию? Та, что была в левом торце, привела в бассейн – небольшой, три на два метра, отделанный кафелем, вода в нем призывно голубела. Борис сбросил тапку и потрогал воду ногой – чуть прохладная. Сколько же надо электричества, чтобы обогревать все эти хоромы?

За дверью в правом торце оказался предбанник. Пахнуло разогретым паром. Так и есть – кто-то баньку истопил. Борис заглянул в парную. В предбаннике он обнаружил свои вещи – сухие, отутюженные, висящие на пластиковых плечиках. Грязные носки положены в пакет, а рядом покоятся новые, перехваченные у резинки бумажным ярлыком. Так-так, ему предлагают попариться. Чтобы тепленького в парилке... что? Что задумала сумасшедшая карга? Или она таким образом покаяния просит?

Борис вернулся назад и распахнул последнюю, третью дверь коридора. И почти сразу тихо прикрыл. Открывшуюся ему картину он наблюдал несколько секунд, и столько же она стояла у него перед глазами, когда он обескураженно топтался в коридоре.

Молодая женщина! Голая! Она стояла спиной к нему в ванной и сушила феном волосы, русые, с рыжиной, пружинисто-волнистые. Однажды Галине в парикмахерской пережгли химической завивкой волосы, и они торчали мелким бесом, а на ощупь были проволоочно-жесткими. А у этой голой девушки казались легкими и воздушными, как пух.

И все же дыхание Бориса остановилось не от лицезрения ее гривы. Две ямочки там, где спина переходит в ягодичы, – от них словно током ударило. Эту красивую спину из бледно-розового мрамора лепил античный скульптор, и был он явно сладострастником – оглаживая талию, надавил внизу двумя пальцами по обеим сторонам позвоночника, и получились ямочки – эротические капканчики на границе с возбуждающей возвышенностью.

Борис тряхнул головой, стараясь отогнать мысленное видение. Кто она такая? Подождать в гостиной, пока выйдет? Куда подевалась старуха? В кино пошла – хорошо бы и не возвращалась. Ему явно предлагалось принять баньку. Почему бы и нет? А потом? Суп с котом. Рассматриваем предложения по мере их поступления. Девушка только из баньки, случайно, а возможно, и намеренно, показала ему свою спинку – орудие мужской деморализации. Его вещички тоже сложила в предбаннике с намеком – помойся, дружок. Намек понят. В здоровом теле здоровый дух, или в чистом теле чистые помыслы. После лицезрения мраморной спинки он мог обещать только чистое тело.

Борис отправился в предбанник, сбросил пижаму и зашел в парную. Он любил баню, а парная в буржуинском замке с привидениями была знатной: работала и в режиме финской

сауны, и как русская парная. Сначала Борис немного пожарился в сухой девяностоградусной сауне, потом отдохнул, укутавшись в простыню и подождав, пока пот перестал выходить из пор. Вылил из ковшика ароматную воду из ушата на камни, отхлестал себя веником. Хорошо бы рыжеволосая нимфа его попарила, прошла веничком. Но нет, не удостоился чести.

Борис трижды заходил в парилку и дважды с гиканьем плюхался в бассейн. По коридору до бассейна шествовал голышом. Если девушка подсматривает – на здоровье. В свои тридцать восемь лет он хотя и потерял былую поджарость, но жирком не заплыл. Умеренная мужская волосатость, пропорциональное тело, рост средний, намечающееся облысение можно списать на природный сократовский лоб.

В ванной Борис нашел новый бритвенный станок – конечно, самый современный, с тремя лезвиями, пенку для бритья и лосьон. Вымыл голову шампунем «для мужчин на каждый день», который выбрал из батареи других, выставленных на зеркальной полочке. Воспользовался аэрозольным дезодорантом – теперь он благоухал чужими запахами чужого дома. Надел свои брюки, рубашку и джемпер, натянул новенькие носки. Готов. Что дальше в программе?

После хорошего сна и баньки вчерашние волнения в дороге и ночью в этом чудном доме воспринимались как забавные происшествия. Его размеренная жизнь университетского преподавателя не богата приключениями, и сейчас Борис испытывал своего рода азарт и благодатное веселье – чем еще порадуют аборигены?

Девушку он нашел на кухне, она жарила на плите яичницу. Одета в белый свитер крупной вязки, черные джинсы, кроссовки. Волосы убраны в простенький узел на затылке. Но волос так много или они столь пышные, что на висках и темени приподнимаются мягкой шапочкой. Несколько пружинок выбились из узла и вились по шее.

– Доброе утро! – поздоровался Борис.

– Здравствуйте. – Девушка слегка развернулась к нему, но глаз не подняла.

Ей лет двадцать пять. Кожа на лице тонкая, удивительного розоватого оттенка, который бывает у рыжих людей, не уродующих свое достоинство солнечным загаром.

– Меня зовут Борис, Борис Владимирович. – Он поправился по академической привычке иметь дело со студентами ее возраста.

– Татьяна Петровна.

Она произнесла имя-отчество с легкостью, которая молодежи несвойственна. Тоненькие лучики морщинок вокруг глаз – нет, пожалуй, тридцать уже исполнилось.

Говорят, на курсах психологического тренинга людей, желающих добиться успеха, настойчиво учат смотреть при разговоре собеседнику в глаза. Общаться с человеком, который рассматривает бородавку у тебя на щеке или обои за твоей спиной, в самом деле неприятно. Вести же диалог с женщиной, вообще не поднимающей глаз, – неловко вдвойне. Татьяна Петровна не отрывала взгляда от пола своей кухни, лишая возможности Бориса не только определить, хороша ли она собой, но вообще сложить о ней какое-либо мнение.

– Завтрак готов. – Она приглашающе повела рукой в сторону столовой за баром.

Борис уже сутки обходился без еды и сейчас почувствовал зверский голод. Он обошел стойку и уселся за стол. Здесь было все, что может входить в обычный завтрак, и все сразу: апельсиновый сок в высоком стакане, сыр, ветчина, йогурт, творог, сметана, горячие гренки, джем, тарелка геркулеса, обжаренные до золотистой корочки маленькие сосиски с воткнутыми в них палочками. Татьяна Петровна принесла две порционные сковородки с яичницей и села напротив. Борис выпил сок, расправился с кашей, сделал бутерброд с сыром и ветчиной, принялся за яичницу. Девушка вяло ковыряла вилкой в сковороде, а он съел творог со сметаной, закусил йогуртом, обнаружил, что пропустил сосиски, и распробовал их после сладкого йогурта. Борис знал, что женщинам нравятся мужчины с хорошим аппетитом, потому, не смущаясь и не деликатничая, сметал завтрак, которого бы хватило на троих.

Когда он стал намазывать джем на гренки, Татьяна Петровна спросила:

– Чай или кофе?

До этого вопроса молчание за столом нарушал только звук жующих челюстей Бориса.

– Кофе, пожалуйста, – попросил он. Татьяна Петровна убрала тарелки, поставила чашки и стеклянный кофейник.

Теперь можно и поговорить, решил Борис. После вчерашних злоключений он испытывал легкое превосходство человека, ожидающего извинений за неблаговидный поступок.

– Вы здесь живете, Татьяна Петровна? – спросил он.

– Да.

– Это ваш дом? – уточнил Борис.

– Да. – Она снова кивнула. И по-прежнему не поднимала глаз.

– Вместе с бабушкой, которая на курочках свихнулась? – улыбнулся Борис.

Легкое замешательство. Очередной кивок.

– Ну что поделаешь, – сказал он покровительственно. – К сожалению, старость часто омрачается помутнением сознания. У матери моего приятеля, директора крупного завода, началось старческое слабоумие. Убегает из дому и поет в метро. Представьте: стоит в переходе и горланит «Ой, кто-то с горочки спустился...», люди ей деньги подают. Соседи увидят, звонят ему: Сергей Сергеевич, ваша мама опять поет. Он срывается с работы, тащит ее домой. Сиделку нанял, но мать все равно с изощренной хитростью умудряется улизнуть на промысел.

В ответ на рассказ, предполагавший развитие темы – теперь вы поделитесь, как страдаете от сумасшедшей бабки, – Татьяна Петровна обронила:

– Печально.

– Но ружье, двустволку, все-таки припрятывайте, – посоветовал Борис. – Опасно такие вещи держать в доступном для нее месте.

– Оно не заряжено, – сказала Татьяна Петровна, водя черенком чайной ложки по ска-терти.

– Ну знаете! – возмутился Борис. Значит, он вчера вел себя как последний идиот, демонстрируя навыки гребкопателя. – Пьяная старуха, с ружьем, в пустынной деревне... Ее место в дурдоме. Кто она вам? Где она сейчас?

Татьяна Петровна, наконец, подняла глаза – зеленые, в обрамлении пушистых светлых ресниц. Не привычные черные, а чуть с рыжиной, они лишали лицо яркости, выразительности и в то же время подчеркивали замечательный цвет кожи.

– Пьяная старуха перед вами, – выдавила Татьяна Петровна. – То есть уже, конечно, протрезвевшая. Кроме меня, здесь никого нет. Это я вас вчера гоняла с берданкой по двору.

Борис поперхнулся кофе и откашливался излишне долго, чтобы прийти в себя. Свалить такого дурака – не отличить молодой женщины от старухи, обзывать ее слабоумной. Что его сбило с толку? Волосы! Конечно, если эта девица распустит свои волосы, они будут торчать во все стороны – при свете, возможно, милая картина, а в темноте она походила на ведьму.

– Мне очень неловко, – винулась между тем Татьяна Петровна, – просто не найду слов для извинения. Видите ли, дело в том... Все люди, выпив спиртного, меняются, кто-то больше, кто-то меньше, а я... совершенно карикатурным образом. Просто затмение находит, туман, ересь, кошмарные сдвиги сознания. Я читала, что ученые спорят, существует ли патологическое опьянение. Пора, наверное, отдавать себя в руки науки. – Она беспомощно улыбнулась. – Все дискуссии прекратятся, если выставить меня после нескольких рюмок спиртного. Начинаю так чудить – выносите всех святых. Да вы сами видели. Я вообще-то никогда не пью. А вчера гостей не ждала и очень расстроилась из-за смерти этих несчастных кур.

– Виолетта, Изабелла, – кивнул Борис.

– Мне их летом принесли. Маленькие желтые комочки, очень трогательные, симпатичные. Я к ним привязалась, а когда они выросли, то почему-то не неслись. Федор Федорович

уговорил взять петуха Ваську, который устроил настоящий бедлам... А дальше вы знаете. Еще раз прошу извинить меня.

Она смотрела прямо на Бориса почти умоляющим взглядом. Потом выражение ее лица сменилось на удивленное – Борис принялся хохотать.

– Сирена, прожекторы, как в концлагере, – веселился он, – я по-пластунски ползаю. Мне сообщает, – он едва не сказал «старая ведьма», – экстравагантная особа о трупах замученных девушек. А тут еще ваш Федор Федорович – давай их собакам скормим. Ну все! Притон, шайка маньяков, ружья, в которые «очень хочется пульнуть», – передразнил он. – Курочек дохлых увидел, чуть не расцеловал их от счастья.

– Кошмар, – улыбаясь, согласилась Татьяна Петровна. – Хорошо, что у вас оказалась крепкая психика.

– Сам удивляюсь.

– Эту систему сигнализации мой сын выдумал. Перемудрил.

У нее есть дети, что естественно. И богатый муж, построивший особняк. Но почему он держит ее тут, в отдалении? У богатых свои причуды.

– Сколько лет вашему сыну? – спросил Борис.

– У меня сын и дочь, двойняшки. Им двадцать два. В прошлом году институт закончили. Значит, ей перевалило за сорок, высчитал Борис.

– А муж чем занимается? Я потому спрашиваю, – объяснил он свое любопытство, – что больно замечательный у вас дом.

– С мужем мы разошлись. Дом я построила сама. Не своими руками, конечно, но своими идеями, скажем так. Борис Владимирович, – перевела она разговор на другую тему, – вы, кажется, говорили, что вам нужен бензин?

– Совершенно верно. Крайне нужен. Я ехал к сестре, но заблудился, и бак в машине пуст как барабан.

– В гараже есть канистра с бензином, но я не знаю, какой марки.

– В данных обстоятельствах выбирать не приходится. Продадите мне несколько литров?

– Какая может быть продажа, – отмахнулась Татьяна Петровна. – Берите, конечно. Еще кофе?

– Благодарствуйте. Также признателен вам за приют, баню, отутюженную одежду и предметы туалета.

– Ну, если это хоть немного сгладило мое вчерашнее поведение, я рада. – Татьяна Петровна улыбнулась и встала.

Борис поднялся вслед за ней. Интересная женщина: глазки в пол, и банька тебе, и завтрак королевский, но явно чувствуется, что на романтическое продолжение рассчитывать не приходится.

– Вы здесь постоянно живете? – спросил он, пока они шли к прихожей, где она переобулась в валенки, надела дубленку, а он свою куртку.

– Да. Только изредка наезжаю в Москву.

– Одна во всей деревне? И этот, погодите-ка, Ексель-Моксель, я о нем слышал в... в Площеве.

– Федор Федорович. Он никогда не ругается нецензурными словами, но через слово вставляет ексель-моксель. Поэтому и прозвали. Он тут с женой живет.

– И больше вокруг никого? – допытывался Борис.

– На дальнем конце деревни несколько старушек. А летом много дачников, вы увидите, сколько домов построили. Раньше была неперспективная, умирающая деревня. А еще раньше – богатая, красивая.

– Как она, кстати, зовется?

– Смятиново. Борис Владимирович, – она остановилась у выхода на улицу, оглянулась и посмотрела на его ноги, – давайте я вам валенки дам. Иначе, пока с машиной будете возиться, снова промокнете. Снега выпало много.

Борис не стал отказываться. Они вышли на улицу и остановились на крыльце. Снега действительно навалило. Он припорошил тропинку, ведущую к калитке, лежал тоненькими полосками на ветках деревьев, сугробиками на лапах елей. Солнце играло в мириадах его хрусталиков, и они искрились, посылая в глаза несчетное количество солнечных зайчиков. Борис невольно прищурился.

– Красота какая! Тишина, воздух. – Он вздохнул полной грудью.

– Самое удивительное, – согласилась Татьяна Петровна, – что необыкновенно красиво каждый день. И каждый день по-новому. Не устаешь восхищаться, потому что не бывает повторов.

Они услышали шум работающего мотора. Подошли к калитке. Федор Федорович на небольшом тракторе расчищал дорогу. Он уже поравнялся с «Жигулями» Бориса. От машины до калитки было метров двести. Борису вчера показалось, что он преодолел по сугробам не менее километра.

Увидев их, Ексель-Моксель заглушил мотор, вылез из трактора и подошел.

– Мое почтение, – поздоровался он, – с хорошим вас днем. Петровна, ексель-моксель, свет я починил, но ты так больше не балуй. Бабки наши чуть выкидышами, ексель-моксель, вчера не разродились.

– Далеко ли отсюда до Перематкина? – спросил Борис.

– Пять километров, – ответил Федор Федорович. – Но на машине, ексель-моксель, не проехать – дорогу в этом году, ексель-моксель, не чистили, а после нынешней метели только на большом тракторе, ексель-моксель, можно убрать. Разве на лыжах идти. У меня была лыжня по лесу, так тоже небось, ексель-моксель, занесло.

– К сударушке ходили? – усмехнулась Татьяна Петровна. – У Федора Федоровича в радиусе пятнадцати километров во всех деревнях есть сударушки, – пояснила она Борису.

– А что? – заулыбался старик польщенно. – Я, несмотря на свои семьдесят три года, еще мужчина в полном расцвете сил. Как Карлсон, ексель-моксель, – хохотнул он. – Правда, прежде радиус обстрела больше был – до шестидесяти километров.

На Карлсона Федор Федорович никак не походил. Скорее – на Мужичка с ноготок. Маленький, юркий, крепкий. Совместная работа – Татьяна дала им лопаты раскопать дверь в гараж, заодно и дорожки расчистили – подтвердила выносливость старика. В отличие от Бори, которому не помешало бы снова душ принять, Федор Федорович не взмок, одышки у него не наблюдалось. Молодец старик. По всему видать, сельский балагур и весельчак. Ексель-Моксель с расспросами к Боре не лез, только имя-отчество выяснил и стал звать Владимировичем.

«Платит ли ему Татьяна? – думал Боря. – Наверняка на зарплате старичок. Ишь как старается, будто для себя работает».

Гараж находился под домом. И тут же, за стеной, подвал со стратегическими запасами провизии: батареи банок с консервами, колбасы и окороки, подвешенные на крюки, стеллаж с винными бутылками, бочонки с квашеной капустой и огурцами, ящики с картошкой, свеклой, морковью. Прямо для атомной войны приготовились. Мужа у Татьяны нет, но определенно есть богатый содержатель. Из тех, что в детстве недоедали, и теперь для них обилие складированных продуктов лучший, чем счет в банке, показатель богатства и достатка. Борис представил себе самодовольного толстяка в спортивном костюме, который водит гостей по дому, отмахивается от восхищенных оценок, а в подземном продуктовом складе небрежно бросает: «Это так, на первое время, чтоб себе ни в чем не отказывать».

Борис взял канистру, принес ее к машине. Татьяна и Федор Федорович наблюдали, как он через воронку льет бензин в бак. Борис выяснил, что до ближайшей заправки километров

пятьдесят, но дареного бензина взял с запасом – вдруг опять придется кружить. Хотел в качестве жеста доброй воли предложить продукты, которые он вез сестре, все равно до Перематкина не добратся, но, увидев запасы в подвале, промолчал.

* * *

Борис закрутил крышку бензобака и еще раз спросил Татьяну:

– Может, я все-таки расплачусь за бензин?

Она, не отвечая, смотрела куда-то за его спину.

– Дым! – воскликнула она. – Смотрите, дым!

Борис и Федор Федорович одновременно развернулись.

– Ексель-моксель, мать моя женщина! – закричал старик. – Пожар! Моя хата горит! Бежим!

Белый дым со всполохами серого широким столбом поднимался к небу. Они бежали по только что расчищенной трактором дороге, дым становился все темнее, в нем показались языки пламени. Татьяна и Федор Федорович отстали, Борис прибежал первым и растерянно застыл, не зная, что делать.

Старый пятистенок из бревен соединялся переходом с какой-то постройкой. Горел переход, и уже занялась постройка, которая была коровником. Из его открытой двери валил дым. Тревожно мычала корова, и слышался женский крик, прерываемый кашлем:

– Иди, окаянная, вот горе! Зорька! Пошла! Федька! Где ты, старый черт?

О том, как надо тушить пожар, Борис знал теоретически. Заливать огонь водой, пеной, засыпать песком. Он схватил широкую лопату для расчистки дорожек, стал кидать ею снег на огонь.

– Брось! – закричал прибежавший Федор Федорович. – Руби крыльцо, отсекай, чтобы на дом не перекинулось. Петровна, ексель-моксель, тащи ему топор, багор, – скомандовал он и, закрыв лицо локтем, бросился в коровник.

Борис вслед за Татьяной побегал к сараю. Дверь его была заперта на навесной замок. Борис ногой вышиб дверь. Пока они нашли в темноте нужные инструменты, огонь уже полностью захватил крышу коровника и подобрался к дому. Рухнула внутрь стена коровника, и тут же с истошным мычанием из него выскочила корова. Она засеменила к калитке, раскачиваясь и припадая на все четыре ноги из-за непомерно огромного живота.

– Федорович! Анна Тимофеевна! – закричала Татьяна. – Где вы?

Ответом ей был надсадный кашель из горящего коровника.

Борис подскочил к дому. Занялся только угол крыльца. Дом можно было спасти. Он размахнулся топором и ударил по той части, где крыльцо примыкало к дому.

Он крушил дерево с остервенением дебошира. Ветра не было, и дым почти не мешал ему. Физической усталости он тоже не чувствовал – только страстное желание спасти чужое жилье.

Краем глаза Борис увидел, что Федор Федорович за плечи вытащил из сарая женщину. И буквально через секунду крыша коровника обвалилась. Дымная волна обдала Бориса, он закашлялся, отскочил в сторону. Посмотрел на свою работу, прикидывая, где нужно рубить дальше.

Появились новые лица, две бабки: одна маленькая круглая, как шарик, другая повыше, со странно перекошенными в одну сторону лицом и телом. Кругленькая бросилась помогать Татьяне отгасивать тлеющее дерево, кривая бухнулась на колени рядом с Федором Федоровичем, который хлопотал у лежащей на земле жены.

– Нюрочка, что ты? Ушибло тебя? – причитал он. – Ексель-моксель! Хрен с ней, с этой коровой! Зачем же ты?..

Анна Тимофеевна тяжело дышала, с трудом проговорила, отталкивая мужа:

– Иди! Деньги там, в железной коробке, в серванте. Иди! Пальто мое новое и костюм свой – вынеси.

– Вот баба, ексель-моксель, – нервно выругался Федор Федорович, – нашла время о шмотках думать. Чуть не сгорела ведь!

Он бросился помогать Борису, но помощник из него был плохой. Руки, лицо Федора Федоровича были обожжены, на голове выгорели волосы. Он не чувствовал боли, пока не схватил лопату, тут же завыв:

– Е-е-е... ексель-моксель!

Огонь перекинулся на сенник – сарай для сена и другой, где хранились инструменты и инвентарь. Но дому огонь больше не угрожал. От коровника до того места, где раньше было закрытое крыльцо, – метров семь безопасной зоны. Татьяна и кругленькая старушка оттащили тлеющие деревяшки и те, что с запасом вырубил Борис. Обнажившийся вход в сени в полутора метрах над землей напоминал рот человека в истошном крике. Снег вокруг почернел от копоти и гари, грязными были лица, одежда людей. Даже у кривой старухи, не отходившей от Анны Тимофеевны, по лбу шла темная полоса сажи.

– А-а-а, – заикалась кривая, показывая на жену Федора Федоровича, – в-в-в б-б-б...

– Клавдя говорит, Аннушку в больницу нужно везти, – перевела другая старушка.

– Может, вызвать «скорую помощь»? – предложил Борис.

– Не-не-не, – затвердила Клавдия, – я-я-я, и-и-и, аж. – Она взмахнула рукой.

– Когда с ней инсульт случился, – снова пояснила кругленькая, – аж на следующий день приехали.

Они разговаривали, отвернувшись от пожара, словно не хотели видеть стихию, справиться с которой не могли. Шум огня напоминал звук сильного дождя с градом – рвался в огне шифер крыш.

– Ближайшая больница в Ступине, – сказала Татьяна, – это двадцать километров отсюда. Федору Федоровичу тоже срочно нужна помощь. – Она посмотрела на Бориса.

Федор Федорович тихо выл от боли, прикладывал горсти снега то к одной, то к другой руке и теребил жену, которая лежала с закрытыми глазами и часто-часто дышала.

– Нюрочка, ну ты как? Больно где? На нее балка свалилась. Надо теплое притащить. Замерзнет, у нее ж радикулит.

Он пошел к дому, кряхтя, подпрыгнул и навалился на порог, перенес тяжесть тела на локти, закинул одну ногу, потом другую, скрылся.

– Я подгоню машину, – сказал Борис и пошел к калитке.

Дорогу ему преграждала корова, черно-белая с животом, в котором мог находиться аэростат средней величины.

– Пропусти, пошла!

Корова не сдвинулась с места. Напротив, грозно замычала и опустила голову, направив на него рога. Борис взял обгорелое бревно, стукнул им корову по хребту:

– Пошла вон, я сказал!

Бревно сломалось, но и корова отступила, освобождая проход.

Борис не бежал – дыхание еще не восстановилось после тяжелой работы, – но трусил по дороге. Лихорадочное волнение подстегивало его – казалось, что двигаться надо очень быстро, его задача – обеспечить максимальную скорость всех действий.

Дорогу «Жигулям» загораживал трактор Федора Федоровича. Борис бросился в кабину, завел мотор и побежал к трактору. Не сразу разобрался в его немудреном управлении и чуть не въехал в собственный автомобиль. Свез трактор на обочину и побежал к «Жигулям». «Быстрее! Быстрее! Копаться – время терять», – злился он.

Валенки мешали управлять педалями, он снял их и бросил на сиденье рядом. Развернуться не получится, он двинулся к дому Екселя-Мокселя задним ходом.

Подъехав, выскочил прямо в носках на снег, чертыхнулся, надел валенки. Анну Тимофеевну уже укрыли одеялом в белом пододеяльнике, положили ей под голову подушку. Она была крупной женщиной, килограммов под девяносто, и Борис вдруг испугался, что не сумеет поднять ее на руки, особенно после пробежек и работы топором. О шуплом Федоре Федоровиче и говорить было нечего – старик тощий, да еще на полголовы ниже супруги. Борис не стал геройствовать.

– Таня! – распорядился он. – Бери за ноги. И несем на заднее сиденье. Потом сама туда сядешь, ее голову на колени положишь. Федорович! Не мешайся, куда ты со своими руками! Садись на переднее сиденье.

– Подождите! – попросила Анна Тимофеевна, когда Татьяна и Борис приноровились, чтобы поднять ее. Она нашла глазами кругленькую старушку: – Стеша! Христом Богом! Зорьке не сегодня завтра телиться. Стеша! Не брось кормилицу!

– Буде, буде тебе, – замахала руками Стеша, – ехай, не тревожься. Ниче с твоей коровой не станется. Несите ее, – обратилась она к Боре. – Да не ногами же вперед, ироды!

– С-с-с... – Клавдия пыталась что-то сказать кривым ртом.

– Счастливо, с богом! – перебила ее Стеша. Борис опасался, что после вчерашней метели не сможет проехать соседние села, если там не чистили дорогу. Но они благополучно миновали две деревни. Татьяна на развилках подсказывала путь – направо, вперед, налево. Федор Федорович, страдая от боли, тихо матерился. Никаких екселей-мокселей, «правильные» матюки. Машина шла ровно, но, когда слегка подпрыгивала, Анна Тимофеевна тяжело и жалобно стонала. Тогда Федор Федорович вздрагивал, оборачивался к жене и уговаривал ее:

– Нюрочка, потерпи, голубушка! Уже Лизуново проехали. Крепись, ласточка.

В отличие от него Анна Тимофеевна ласковых слов не говорила. Но ее речь, задышающаяся, торопливая, без логики и связи между предложениями, почти бред, выдавала тревогу о хозяйстве и муже.

– Старый козел, – бормотала она, – от проводки загорелось. Сколько раз говорила – вроде пахнет. Клешни свои до костей сжег, работничек. Тебе только по сударушкам шляться. Что теперь с коровой будет? Стешка... не сглазила я ее корову, шутовала, а она зло держит. Люся! Где Люся? К ней надо. Ой, горе! Где теперь сено взять? Пропадет Зорька. Федя, ожоги хорошо мочой лечить, ты пописаи на руки обязательно, слышишь? Так в груди давит, так давит! Люсю позовите.

– Анна Тимофеевна, где Люся живет? – спросила Татьяна.

– У вокзала, Федя, скажи. Ох, плохо мне.

– Федор Федорович, – повторила вопрос Таня, – где в Ступине ваша дочь живет?

– За переездом, красный дом кирпичный, о-о-о! – застонал он, едва не теряя сознание от боли. – Квартира семь. Владимирович, ты к ней съездишь?

– Конечно, – кивнул Борис, – не беспокойтесь.

– Все! Не могу! – зарычал Федор Федорович. – Тормози, Боря! На руки помочусь.

Борис остановил машину. Выскочил в носках, обежал машину, открыл дверь. Федор Федорович кое-как вылез.

– Мотню мне расстегни, – попросил он.

Его руки, красно-черные, в волдырях, действительно походили сейчас на клешни какого-то чудовищного животного. Обшлага рукавов нейлоновой куртки обгорели и местами впаялись в кожу.

– Не могу, заклинило. – Федор Федорович тряс своими страшными кистями под маленьким кусочком плоти. – Боря, давай ты, мочись на меня! Ох, ексель-моксель.

Борис расстегнул брюки, нисколько не заботясь, что все это может наблюдать Татьяна. У него тоже, но от волнения, дрожали руки, и сначала ничего не выходило. Потом полилось. Он прицельно орошал кисти старика.

– Полегчало? – спросил он, застегивая старику и себе штаны.

– Не пойму, горит до костей.

Когда они сели в машину, от мокрых носков Бориса обдуваемых теплой струей из печки, пошел характерный запах. Он смешивался с запахом от рук Федора Федоровича. Татьяну слегка начало мутить. В голове одна за другой мелькали мысли. Скоро они подъедут к больнице, по отзывам, нищей и плохой, как большинство сельских. Значит, нужны будут лекарства. Обязательно спросить какие. Корова Зорька. Кормилица семьи Знахаревых. Летом они продают молоко дачникам, на вырученные деньги живут целый год. Знахаревы гордые, Федор Федорович сколько ей помогает по соседству, а денег даже за расчистку дороги не берет. Нужно сено на корм Зорьке.

– Анна Тимофеевна, Федор Федорович, – обратилась к ним Татьяна, – где можно сено купить? У бабы Стеши только для козы припасено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.